

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

Рыцарь

Константин Калбазов

Рыцарь. Еретик

«Автор»

2012

Калбазов К. Г.

Рыцарь. Еретик / К. Г. Калбазов — «Автор», 2012 — (Рыцарь)

ISBN 978-5-9922-1144-3

Человеческие государства под ударом. Враг стремительно продвигается к сердцу людских королевств. Прославленная рыцарская конница пала, цвет воинства превратился в прах. В сердцах людей поселился страх и отчаяние. Нет, они не сложили оружия и будут сражаться до последней возможности, но есть ли сила, способная остановить захватчиков и повернуть их вспять? Он не мессия, он не собирается сражаться один с врагами людей, он не хочет сражаться за них. Он может уйти, но не может бросить тех немногих, кто стал ему дорог. Он – это наш современник Андрей Новак, волей судьбы заброшенный в этот странный мир, который успел полюбить. Чтобы спасти своих близких, он готов предавать, готов идти по трупам, обагрив по локоть свои руки кровью, как людской, так и орочьей... Он готов на многое, так как не видит иного выхода.

ISBN 978-5-9922-1144-3

© Калбазов К. Г., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	42

К. Г. Калбазов

Рыцарь. Еретик

Глава 1

Бабка Ария

– Кто там? – Голос старухи Арии звучал глухо и надтреснуто. В нем чувствовались страх и напряжение. Было отчего.

Еще с утра по селу пошли нехорошие разговоры о том, что старая знахарка не просто лекарка-травница, повитуха и во всех болезнях сведуща: она, оказывается, колдунья и навела порчу на невестку старосты, вот та и занедужила, разродившись мертвым ребенком, да и сама богу душу отдала.

Об этом на всю округу трезвонил староста, поддерживаемый как своими близкими, так и близкими невестки. Оно и понятно – народиться должен был первый внук, и ведь мальчонка должен был появиться у старшего сына, только год назад женившегося, да и сваты его тоже сильно убивались: покойница была их отрадой, единственная дочь, среди четырех оболтусов взращенная. Были у них и еще дети – двое мальчонок и три девочки, да Господь прибрал невинные души еще в младенчестве. В общем, горе у людей, понятно. Но почему ее-то клеймить связью с нечистым?

Все бы ничего, такое уже было, и не единожды. Не всех удавалось выволить из лап костлявой. Да только в этот раз, похоже, было так же серьезно, как и с ее дочкой, которую вознесли на костер за колдовство. А что она-то сделала? Вылечила бродяжку, прибившегося к ним совсем хворым, а тот, поди ж ты, оказался беглым еретиком. Вот и обвинили ее в пособничестве слуге сатаны: тот-де от гнева Божьего помереть должен был в горячке, а она, прислужница нечистого, своего соратника с того света-то и вынула, чтобы тот и дальше нес ученье сатанинское. А разве ж лекарка настоящая могла пройти мимо болящего да помощь посильную не оказать, если Господь ей дал силы и знания?

Тогда старуха попыталась в сторонке отмолчаться, дочке помочь не могла – сама бы сгнула, да все бы ничего, вот только внучка на ней осталась. Кто о сиротке позаботится, кому она нужна, коли и мать, и бабка инквизицией за колдовство казнены? Хотела отмолчаться, да только и ее к ответу призвали. Она тогда глянула в скорбные глаза дочери и прочла в них и горе, и мольбу, и волю последнюю. Стала она против дочери свидетельствовать – тем и сама спаслась, и внучку без присмотра не оставила.

Она тогда боялась смотреть в глаза дочери. Только когда ее на костер вознесли, она и решила хоть в последний раз взглянуть на дочь, и взгляды их встретились. К хворосту уже факел подносят, а дочка на нее пристально смотрит, и не было в том взгляде ни осуждения, ни проклятий, а только любовь и благодарность. Три года минуло, а крик дочери, когда пламя к ней подобралось, и по сей день в ушах стоит.

Оно, казалось бы, и ничего, пошумит староста да родственники его – и все пройдет. Осадок, конечно, останется, но всем люб не будешь. Но, видать, не в этот раз. Хотя инквизиторских дознавателей пока и не было, но священник их приходский как-то так вскользь помянул дочь ее: мол, если дочка служкой сатаны оказалась, так ее кто-то научить этому должен был. А кто ж ее лекарскому делу-то учил? Ясное дело, бабка Ария. И по всему выходило, что в селе завелось гнездо сатанинское. А к какому выводу могли еще прийти крестьяне, если даже падре на то указывает? Вот и выходит, что если сам же падре за нее не заступится, то ее без суда Божьего на костер вознесут, да еще и внучку ее шестигодовалую вместе с ней пристроят.

Бывало уже такое. И никто их не осудит, а еще и весть разнесут о том, что селяне, мол, сами сатанинское отродье извели.

Бежать нужно было. Да куда она могла бежать-то? Годы не те. Внучку жалко. Если за самой Арией грехи водились – а кто без греха, – то дите было совсем безгрешно. Нежно прижимая к себе маленькое тельце, бабка для себя уже решила, что как только поймет, что выхода нет, то сначала внучку зельем опойт, а потом и сама вослед отправится. Как-нибудь уж вымолит она у Господа, чтобы он внучку в рай забрал, а сама... Куда ж детоубийце – гореть ей в геенне огненной, но то ничего, вот лишь бы внучку...

– Бабушка, откройте, – настойчиво доносился из-за двери голос. Незнакомый голос. За многие годы она, почитай, каждого в селе в этот мир приняла, да с хворями через нее прошли все, так что и в этом селе, и в лежащих окрест она знала всех. А вот этот голос был незнаком. Молодой такой, сильный.

– Дак спрашиваю же, кто?

– Уж не жечь вас пришел точно: тем, кто пожечь вас хочет, стучаться незачем – не такая уж и крепкая дверь, вышибут на раз.

А что тут скажешь, прав парень, как есть прав. Дверка и впрямь хлипенькая, а крепкая-то и не нужна была никогда. Домик ее стоял на отшибе, у кромки леса: сколько добра они с дочерью за многие годы селянам сделали, а за частокол их так и не допустили. Однако не боялась она ни лихих людишек, ни селян. Лихие – они тоже люди, и хвори их так же одолевают. А как так, то к кому? К ней, благо разницы она никогда не делала: раб божий в лечении нуждается, разве ж она может не помочь. Селяне – те только с просьбой, а если так, как сейчас, то и крепкая дверь не поможет: не сумеют вышибить – вместе с домом пожгут.

Тяжко вздохнув, она отодвинула засов и открыла дверь. В лунном свете перед ней предстал молодой человек, высокий и крепкий, голос прямо под стать ему. Смотрит на нее, улыбается, открыто так улыбается, по-доброму, без хитрости и корысти. Видать, просто радуется тому, что бабка ему поверила и дверь отворила.

– Чего тебе? – ворчливо спросила старуха.

– Бабушка Ария, бежать вам надо. Прямо сейчас бежать. Я из села, так там на площади перед церковью староста распаляется и народ заводит, чтобы пожечь вас, да вместе с внучкой. А падре рядом стоит – обвинений не высказывает, но и в защиту ни слова не проронил.

– Вот и с дочкой моей – все стоял и молчал. А ведь мы с дочкой, было дело, его с того света возвернули.

– А то вы не знаете, какова она, благодарность людская!

– Да знаю я, знаю. А ты, стало быть, решил спасти меня?

– Ну да.

– А пошто так-то?

– Бабушка, вот давай мы об том поговорим в пути. Меня ведь тоже могут начать искать. Кто ж нормальный в ночь выедет за частокол?

– А почему я тебе верить-то должна? Может, ты все и придумал... – Однако в этот момент она поняла, что ничего парень не сочиняет, потому что даже здесь было слышно, как в селе поднялся разъяренный рев толпы.

– И теперь не веришь, бабушка?

– Верю, – вздохнула старуха. – Только не понимаю я.

– Потом, все потом. Бери внучку – и в телегу. Быстро. Да вещей не бери, иначе конец и тебе, и внучке, да и мне в придачу.

Что она могла сказать на это? А нет времени что-либо говорить. Бежать надо. Схватив затихшую окончательно и только лупающую испуганными глазенками внучку на руки, она выскочила из домишки как была и повалилась в солому, постеленную на дно телеги. Парень уже был там и, как только его пассажиры оказались в повозке, тут же стеганул лошадь. Та,

словно почувствовав, что сейчас решается судьба ее хозяина, а может, и ее собственная, с места взяла резвый темп, увлекая за собой и телегу, и седоков. Теперь все решала скорость. Разъяренные селяне вполне могли организовать погоню, а от верхового им никак не уйти. Одна надежда: крестьяне – они не воины, побоятся в погоню пуститься. Одно дело – отойти недалеко от села, чтобы пожечь беззащитную бабку, и совсем другое – отправиться в погоню, а ведь вокруг леса, а в тех лесах лихие разбойнички.

Только с рассветом они отделились настолько, что смогли почувствовать себя в безопасности. Если бы была погоня, то уже настигла бы. А если отправятся с утра – поди найди их. За это время они успели пройти три перекрестка, да в одном месте сошли с дороги и, проехав по целине с десятков верст, вышли на совсем другую дорогу.

А паренек-то в здешних местах ориентируется дай бог каждому. Откуда?

Подъехав к опушке леса и слегка углубившись в него, парень остановил лошадь и принялся ее распрягать. Умаялась бедолага, как бы не запалить, это ж сколько она сегодня отмахала – в пару дневных переходов купеческого каравана уложится.

Закончив распрягать, парень стреножил ее и пустил пастись. Сам же быстро наломал хвороста и развел костерок. Потом достал из телеги объемистый мешок и котелок, начал доставать из него свои пожитки. Мешочек с крупой, вяленое мясо, завернутое в чистую холстину, совсем уж маленький мешочек с солью. После чего поднял глаза на бабку:

– Бабушка Ария, вы тут хозяйничайте пока, а я до ручья прогуляюсь, воды наберу – он тут недалеко.

Бабка все это время молча наблюдала за парнем, так и не сделав попытки вылезти из телеги. Тело все затекло, а еще боялась разбудить умаявшуюся внучку. Да и парень ей был непонятен. Где это видано, чтобы вот так, ни с того ни с сего, абы кому помогали, да еще когда этого абы кого обвиняли в колдовстве?

Но парня, казалось, не заботили думы, он просто пошел прочь искать тот самый ручей. Или не искать? Уж больно уверенно он идет.

...Когда голод был утолен, а наевшаяся до отвала внучка вновь пристроилась на коленях бабушки, Ария все же не стерпела и заговорила:

– Не признаю я тебя. А стало быть, и обязанным мне ты быть не можешь. Пошто в это дело-то ввязался?

– Так уж и не обязан?

– И места эти знаешь как свои пять пальцев, – продолжала она свои размышления, – а я ведь в округе всех знаю – почитай, все ко мне обращались. Ну и чем ты мне обязан, милоч?

– Так тем, что жив и дышу, тем и обязан.

– Я всех помню, кого пользовала, даже тех, кого единожды видела, – твердо возразила бабка, – а вот тебя и не помню.

– А и неудивительно. Помнишь Джона Крысолова?

– Как не помнить. Душегуб был редкий. Сколько годов от стражи бегал, сколько народу извел, изверг.

– Изверг. То верно. А только когда горе у него приключилось, то не оставила ты его и помогла.

– Не помогала я ему, хвала Создателю. Вот бабе его, было дело, помогла. Она тогда от бремени разрешиться не могла – дите неправильно лежало, так и померла бы. Погоди, погоди...

– Ага, бабушка. Теперь признала? Я это, я. Ты тогда не побоялась помочь разбойнику лихому, хотя лихим он еще не был, и мамку мою сберегла, и мне помереть не дала. Так я долги всегда возвращаю – и добрые и недобрые, всем сполна воздаю.

– Знать, с отцом лихим делом промышлял, коли места эти так хорошо знаешь?

– Ходил с шайкой, не без того, только какой из меня лихой-то? Мальцом десяти годов был, когда отца моего со старухой обвенчали. А мамка померла раньше: с обрыва однажды

сорвалась да шею сломала. Когда отца осудили, остался я на улице. Подобрал меня один умелец, Стилетом прозывался. Знатный был убийца. Не слыхала?

– Нет.

– Ну, оно и понятно: он по городам хаживал.

– И что же, он тебя своему ремеслу обучил?

– Было дело.

– И людишек ты со свету сживал?

– И до этого едва не дошло, да бог миловал, – вздохнув, проговорил парень. – Жизнь-то – она переменчивая. Сложилось так, что оказался он по другую сторону.

– Это что же, в стражники пошел?

– Не. В стражники он не пошел. Стал он дознавателем инквизиции.

– А ты?

– А я так с ним и остался, чином, конечно, помладше. В помощниках я.

При этих словах брезгливое выражение, укоренившееся было на ее лице, сошло на нет, и теперь на парня взирали наполненные страхом глаза.

– Э-э, бабушка Ария. Ты это брось. Что же, по-твоему, как инквизитор, так сразу и на костер? То, что ты колдунья, никак не доказано, и в пособничестве нечестивцам ты не уличена, а то, что староста с молчаливого одобрения падре там на тебя возвел, ни о чем не говорит. Горе у человека, вот он и распалился.

– Значит, добром решил отплатить?

– И да, и нет.

– Как это?

– А вот так. Отплатить-то за добро – это стояще, но вот только есть еще и закон Божий. Если бы было проведено дознание и вина твоя была бы доказана, то это одно, а вот так, без суда – совсем другое. А какое дознание там можно было провести? Все кипят как вода в котле, никто рассудка слушать не хочет, падре в сторонку отошел. Да объявись я там хоть трижды инквизитором, слушать меня никто не стал бы. Оно, конечно, если бы я тебя колдуньей нарек – тогда да. А как захотел бы дознание провести, то меня самого, чего доброго, на костер вместе с тобой определили бы.

– Значит, ты за справедливость?

– За справедливость. В том клятву Господу нашему давал, за то и на смерть пойду.

– Странный ты.

– Ага. Сын душегуба. Сам душегуб. А стою за правду. Да только мне повстречался человек, который мне глаза сумел раскрыть и путь истинный указать.

– И кто же?

– Падре Патрик, он потом еще и епископом Йоркским был.

– Это тот, которого в еретичестве обвинили, а потом на Божьем суде оправдали?

– Он, бабушка. Ты не представляешь, какой это человек. И ведь сам Господь за него. Я тогда на площади был и все видел. Шел себе человек прохожий, взял да откликнулся на зов падре, никто ничего еще и понять не сумел, а поединщик, что инквизицией выставлен был, уже лежит мертвый, в честном бою убитый.

– И как же у тебя рука поднялась на столь тобой любимого человека донос написать?

– А ты откуда...

– Поживи с мое – еще не то узнаешь. Так что? Так было?

– Не у меня, – потупившись, пробормотал инквизитор, – у брата Адама.

– Это Стилет который?

Парень только кивнул.

– А ты что же, в сторонке решил отсидеться?

– С ним я был. Да только падре такие вещи говорил, что воперек учению Церкви выходило.

– Знать, понял ты, что ошибался?

– Понял.

– А Стилет твой?

– Брат Адам он, не Стилет больше. И он понял. – Молодой инквизитор еще некоторое время растерянно смотрел на рдеющие угли костра, которые уже начали подергиваться серой дымкой золы, но потом взбодрился и обернулся к бабке: – То дела прошлые. Ты лучше скажи, что там у тебя на самом-то деле приключилось.

– А тебе не рассказали разве?

– Все как есть рассказали, и не как инквизитору – я там и не назывался, – а как человеку стороннему. Но долг обязывает меня все стороны выслушать.

– Ишь ты. Долг обязывает. Ну так слушай. Остались бы живы и ребенок, и мамка его, если бы они, дуралеи, меня послушали. Ребенок у нее неправильно лежал, да как лежал, так и пошел, а перевернуть его у меня никак не выходило: в пуповине он запутался. Предложила я им взрезать живот мамке да и достать мальчика, а потом и живот сшили бы. Конечно, шрам бы остался, да только жива была бы и с ребеночком сейчас тетешкалась. А дуралеи эти на меня в крик. Я им – мол, со скотиной такое уже делали, когда она падала, так хоть теленочка спасти получалось, а девка здоровая, оклемается, вон воины какие раны подчас получают – и выживают. Погнали меня со двора.

– А как померла бы девка?

– А она не померла? – гневно зыркнула старуха в его сторону. – Вон мамка твоя выжила, и ты эвон какой вымахал, и она так же могла.

– Так со мной так же было?

– Так же, так же. Да только отец твой долго думать не стал. Сказал, чтобы делала, что следует. Нужно, мол, голову отрезать и назад пришить – делай, да только если с ней и ребенком что случится, он меня сразу и порешит.

– Что потом-то было? Ну с невесткой старосты?

– А что было? Погнали меня. Бабы сами стали по своему разумению роды принимать, да только роды-то непростые, а они – как заведено. Ребеночка достали, да только удавили пуповиной, а ее, бедняжку, так порвали, что кровью она изошла. Вот и вся правда.

– Сходится все.

– Что сходится-то?

– Да все сходится. Ладно, бабушка Ария, давай собираться. Лошадка отдохнула, а внучка твоя да и ты в телеге поспите. Ехать надо.

– А куда ехать-то?

– Ну назад тебе нельзя, хотя и нет на тебе никакой вины. Знаю я одно место, где тебе будут рады.

– Ишь ты, прям-таки и рады.

– Ты не насмешничай. Раз говорю, значит, знаю о чем.

Странное это было село. Странное и большое. Все дворы как по линейке выстроены, заборы аккуратные, переулочки не вкривь и вкось, а тоже ровнехоньки. Дома сами тоже неприличные, аккуратные и все как один одинаковые – как их люди не путают? При подворьях огородики с грядками, деревья плодовые, да молодые – видно, что не так давно высажены, может, два года, может, три, но не больше, и так во всех дворах. Были и постройки для скотины да других нужд, и тоже все аккуратно так сделано, добротное, где-то что-то пристроено, а так тоже, видать, одномастно построено было. И опять – новеньким выглядит. Молодое село получалось, но больно уж большое.

А улица – та и вовсе удивила, потому как вся была отсыпана речной галькой с песком. По такой улице в самую распутицу можно и пешком пройти, и на телеге проехать и не потонуть по колено в грязи, а по краям дороги канавы, которые при въезде во двory были перекрыты дощатым настилом, чтобы вода могла беспрепятственно стекать. Посредине села – просторная площадь, на которую главная улица выходит, а там церковь большая настолько, что может вместить не одну сотню прихожан.

Ария смотрела по сторонам и не могла насмотреться, до того все здесь было необычно и ладно устроено. Когда они подъехали к церкви села Пограничное, как назвал его инквизитор Сэмюэль, он спрыгнул на землю и, попросив ее подождать, скрылся в здании. Вскоре он появился с седым священником среднего роста, но весьма округлых форм. Толстячок-священник ей сразу понравился – лицо у него было не просто одухотворенное, а доброе и приветливое, такие сразу располагают к себе. Вместе с ними появился и служка, который тут же юркнул в сторону, торопясь куда-то по своим делам.

– Все, бабушка, приехали, – произнес Сэмюэль. – Падре Иоанн о вас позаботится.

Они с внучкой прошли вслед за священником, который, проведя их в свои покои, озаботился скромной трапезой. Но Ария есть не стала, внучка же с детской непосредственностью набросилась на скромную еду – кусок сыра с хлебом да кружку воды.

Вскоре к падре заглянул невысокий крепыш с появившимися в волосах серебряными нитями седины и в окладистой бороде с той же редкой сединой.

– А вот и староста пришел. Быстро же тебя нашли.

– Здравствуйте, падре. Плох я был бы староста, если бы меня долго разыскивать пришлось. Звали?

– Звал, сын мой. Вот познакомься. Это Ария, она лекарка – как говорят, лекарка хорошая.

– А кто говорит-то, падре?

– Бэн, до чего же ты бываешь дотошным, – добродушно улыбнувшись и погрозив пальцем, проговорил священник. – Тебе недостаточно того, что я тебе это говорю, сын мой?

– Достаточно, падре, – тяжело вздохнул, словно ему-то есть что возразить, но делать он этого не будет, и только из-за безграничного к нему уважения. – Раз так, то пойдем, бабушка Ария, определю тебя на жительство да объясню что к чему.

– И не забудь ее представить сэру Джефу, – напутствовал его священник.

– Это как водится, падре. Только вот определю, а тогда уже. Сэр Джеф-то опять увел дружину на учебное поле, так что скоро не появится. Но к вечеру обязательно.

Когда они вышли на улицу, староста окинул старуху и ее внучку внимательным взглядом и, кивнув своим мыслям, словно придя к какому-то выводу, проговорил, направляясь по улице и соответственно увлекая их за собой:

– Стало быть, по-горячему бежали.

– С чего ты взял?

– А как же иначе-то. Вещей у вас – только то, что на вас, даже узелка нет. Ты, бабушка Ария, не обижайся, но только со мной – как с падре на исповеди: мне здесь за порядком смотреть и ответ держать перед милордом и людьми. Пока дойдем, время есть, а не успеешь, так я и не тороплюсь.

– А что так-то? Разве дел нет?

– Дел выше головы. Да только лекарка – это дело такое, скользкое дело, а я за село перед милордом в ответе. Так что сама пойми, знать все должен.

– Твоя правда.

Ария без утайки, но весьма сжато рассказала ему о своей прошлой жизни, опуская подробности, рассказывая только в общих чертах. Не утаила и того, что произошло перед их с внучкой бегством.

– Сэмюэль, что привез нас, сказал, что нам здесь будут рады, что баронство только обу-
страивается и с лекарками просто беда, а барон тот о здоровье людишек сильно заботится.

– Правду сказал твой Сэмюэль. А из какого он села?

– А вот этого он не сказал, – проинструментированная инквизитором, тут же ответила
бабка.

К ее удивлению, Бэн отнесся к этому заявлению с пониманием, словно иного и не ждал.
Странно это было. Но, как говорится, поживем – увидим, да все и узнаем, может, и впрямь в
этом нет ничего удивительного.

– Ну вот и пришли.

Бэн толкнул калитку одного из домов на соседней улице, расположенного ближе к центру
села. Бабка замерла, не решаясь ступить на подворье. Так не могло быть. Те, кто жил л€екар-
ством, никогда не селились в селе – они всегда жили наособицу, за частоколом, так как люди
не терпели их рядом с собой. От лекарства до колдовства один шаг, а потому они предпочи-
тали перестраховываться: сколько бы добра ни принесла лекарка, в ней в любой момент готовы
были увидеть пособницу дьявола, а потому и среди людей таким делать нечего. А буде хворь
какая приключится, так до лекарки и добежать всегда можно, а нет – так и пригласить в дом.

– Ну, чего встала-то?

– А куда ты меня привел?

– Дом это теперь твой будет. Оно конечно, дом пока принадлежит милорду, ты должна
будешь за него выплатить ему полную стоимость, но это не к спеху, за два-три года осилишь,
а если и впрямь лекарка знатная, так и раньше любого крестьянина управишься.

– А не боишься меня в селе селить?

– С чего бы это? Будь ты с душком, то, чай, инквизитор тебя не привел бы. А так, как
говорит милорд, лекарка должна быть поближе к больным.

– А с чего ты взял, что меня привел инквизитор?

– А то нет? Но дело не мое. Вот это твой дом. Ты пока подумай, что нужно для обустрой-
ства, походи, посмотри, а вскорости к тебе придет моя жена, ей все и обскажешь. А я пойду
– твоя правда, дел много.

Обходя дом, сложенный на совесть из хорошего строевого леса, подворье, не менее ладно
устроенное, она была словно во сне. Внучка, пока еще не освоившаяся на новом месте, всюду
следовала за ней, вцепившись своей ручонкой в бабкину юбку и затравленно оглядываясь по
сторонам. Поверить в то, что этот дом, которому позавидовал бы любой зажиточный крестья-
нин в тех местах, откуда она убежала, – теперь ее жилище, было невозможно, но судя по всему,
это было именно так.

Сам дом тоже удивил. При входе небольшая прихожая, чтобы зимой не прямо с мороза
в жилье входить. За дверью прихожей что-то вроде камина, какой она видела на постоялом
дворе, но точно не камин – тот больше на очаг похож, а это вообще ни на что из ранее виденного
похоже не было. Очага же нет. Здесь же на стенах были несколько полок, как видно для утвари,
небольшой, но и немаленький стол, две скамьи.

Справа и слева от странного камина или не камина – две двери, которые ведут в две
комнаты. Та, что слева, самая большая, а дальше еще одна дверь, за которой уже поменьше,
такая же, как и справа от камина. В этих комнатах стоит по кровати, простые, из струганых
досок, но должно быть удобно, когда чем-нибудь застелется. А в большой комнате и нет ничего,
только у окошка, затянутого бычьим пузырем, стоит большой сундук, простой, но ладный.

По всему выходит, что стены камина должны в зиму комнаты отапливать, это ж сколько
дров нужно сжечь и подумать-то страшно. И кругом чистый запах струганого дерева.

Входная дверь отворилась, и на пороге появилась небольшого росточка дородная жен-
щина.

– Здравствуйте, бабушка Ария. Я – жена старосты, Анна. Послал меня к вам, говорит, поди разберись, что там да как, люди совсем без ничего прибыли. Так с чего начнем?

По-доброму Арию встретили только падре, староста да его жена. Остальные косились недоверчиво и даже с долей опаски. Соседи и вовсе боялись смотреть в ее сторону. Освоившаяся было внучка попыталась завести знакомство с местной ребятней, да была бита и прогнана восвояси. Потом долго плакала на груди старухи, никак не понимая, почему к ней так-то. Нет, она знала, что жить наособицу – их лекарская судьба, девочка была сообразительной не по годам, но вот только она была ребенком и все принимала с детской непосредственностью. Раз уж пустили их жить в село, то и в остальном должно быть иначе. Ан нет. Все было как было.

Погоревав на пару с бабушкой – та тоже прослезилась горю внучки, – стали жить как и прежде: вместе уходить в лес, собирать травы да коренья, которые в скором времени могли понадобиться. Старуха была лекаркой – тем и жила, по-иному пропитание добывать не умела, а раз так, то нужно быть готовой, чтобы какую помощь оказать, да и внучку учить нужно продолжать: не станет старухи – та сама должна будет о себе позаботиться, а чему Ария могла еще научить кровинушку, как не своему ремеслу?

На следующий день к ней заглянул местный кузнец – его прислал староста, так как жена донесла, что лекарке нужен какой-то инструмент, топоры да вилы. Это хорошо, да только у нее были и иные пожелания. Опасливо сторонясь старухи, кузнец внимательно выслушал, что той требуется, а затем пригласил ее в кузню. Два дня она пробыла в кузнице, подле кузнеца, на пальцах объясняя, как переделать то или иное, что по ее заказу он мастерил. Но сладили. Так в заботах шли дни, и миновало воскресенье, а на следующий день к ней пришел падре Иоанн.

– Здравствуй, дочь моя.

– Здравствуйте, падре.

– Не заболела ли часом та, кто должна здоровье людям нести?

– Слава Господу нашему, здорова, падре.

– А если так, то почему не была на воскресной службе? Или некрещеная?

– Да как можно, падре? – возмутилась старуха. – Да только нам никогда не было ходу в церковь, только к священнику отдельно и хаживали.

– Это кто же так завел? Уж не священник ли тамошний?

– Всегда так было. И когда падре менялся, так и оставалось.

– А теперь не будет, – сказал как отрезал падре Иоанн, в один момент преобразившись из добродушного в строгого и требовательного. – Велю тебе на каждую службу приходить, и внучку приводи. – А потом, вновь подобрев, закончил: – Люди к вам с недоверием, а вы еще и в церковь не ходите. Нужно это менять, пусть они с тобой и внучкой твоей не только по нужде общаются, но и по-доброму, по-соседски, тогда и не повторится того, что было раньше. Поняла ли?

– Поняла, падре.

– Вот и ладно. И еще. Если нужда какая, так ты не стесняйся, говори – не мне, так старосте, а лучше жене его: она лучше поймет заботы домашние. На людей не обижайся. Трудно им свыкнуться: столько нового – вот и лекарка, считай колдунья, – ухмыльнулся, – среди них живет. Ну да Господь им судья, а наше дело – изменить это.

Тогда она не поняла, о чем говорил падре, упоминая многие новшества, но постепенно, со временем до нее начало доходить, что попала она и впрямь в необычное баронство, и то, что ее определили на жительство в село, предоставив целые хоромы, хоть и не даром, но все же, было далеко не самым удивительным.

Господи, ну наконец-то монастырские земли. Вон и монастырь виден, стоит слегка наособицу от небольшого сельца, что при монастыре основал сэр Андрэ, насадив туда своих кабаль-

ных, которых повыкупали по всем маркграфствам, кого с собой купец Белтон привез – в последнее время он сильно приподнялся – да передал барону, а кого и вассалы барона привели. У кабальных иных забот не было, как обиходить монастырь да духовную семинарию при нем, в которой обучались все дети, собранные с баронства.

Сейчас-то здесь было тихо, так как в селе оставались только дети кабальных – даже в приюте, при монастыре и духовной семинарии, не было ни одного сироты: на летнее время весь приют переехал в Кроусмарш, сейчас мальчишки под руководством ветеранов постигали воинское умение, чем были весьма горды. Люди поначалу хотели было разобрать детвору по семьям да и воспитывать как своих, как оно и было заведено, – редко когда увидишь в людских землях беспризорных детей. Это если уж совсем плохо да прижиться дите ни с кем не может: дети – они тоже разные бывают, и у каждого свой характер, подчас неуправляемый. Есть, конечно, и при монастырях приюты, но там по большей части совсем уж сироты. Бывает такое, редко, но бывает, что родня дальняя не хочет взваливать на себя лишний рот, вот и определяют таких детей в приюты при монастырях – оттуда дети в основном уходят потом в те же монастыри, но не все, конечно, если они сами оттуда не убегут до совершеннолетия.

На землях барона Кроусмарш люди жили довольно зажиточно, даже в зимнюю пору не задумывались о том, чтобы куда отправиться на приработок: приработком их обеспечивали на месте – бывало, что за зиму зарабатывали ничуть не меньше, чем с собранного урожая. Потому вопроса с приютом здесь и не стояло – люди разобрали бы всех детей по семьям, невзирая на отсутствие родства, – но барон отчего-то воспротивился этому. Больше сотни детей жили под его кровом и его опекой. Еще странность: распространялось это только на мальчиков – девочек-сироток тоже всячески привечали, да только в приюте ни одной не было, всех разбирали по семьям. Ну и в семинарии девочки не учились – худо-бедно приходские священники обучали их грамоте и Святому Писанию, на том их учеба и заканчивалась. С каждым караваном прибывали или один, или сразу несколько мальчиков, постоянно увеличивая численность приюта.

Сам сирота, Сэмюэль приглядывал за этим ревностно, правда, повлиять он никак не мог, но следил пристально, однако ничего предосудительного не видел. Всякий раз на праздники сам барон со всей семьей приезжал сюда, и хотя здесь обучался и его старший сын – в этом году минул первый год его обучения, – больше всего внимания он уделял именно сиротам, всячески стараясь выказать свою заботу. О баронессе и говорить нечего – она им всем вместо матери была, бывая здесь гораздо чаще, а не только в праздники, причем объяснить это желанием повидать сына было нельзя, так как подобным же образом она себя вела и до его появления в семинарии.

А вот от того, чему учили в этой семинарии, у него поначалу даже волосы на голове зашевелились. В этом месте был самый настоящий рассадник ереси. Ну, во всяком случае, вначале он все именно так и воспринял. В селах священники тоже вели непонятные разговоры, да только там они действовали как-то исподволь, аккуратно подводя уже взрослых, сформировавшихся людей к тем выводам, о которых открыто и без утайки вели беседы со своими учениками в семинарии.

Впервые попав на подобное занятие, брат Сэмюэль едва сдержался, чтобы не отправить пространное донесение архиепископу, вернее, он-то это сделал бы непременно, но его остановили. Падре Патрик остановил, который вне баронства считался простым приходским священником в селе Новак да духовным пастырем семейства барона, а на деле держал в своих руках еще и все приходы в баронстве, и даже настоятель монастыря относился к нему с почтением, подобающим епископу, никак не меньше. Население баронства росло год от года, а вернее, чуть не ежедневно. Подумать только, в баронстве проживало уже больше пятнадцати тысяч человек, а люди все прибывали. Так вот, до людей медленно, осторожно, но неуклонно доводили тот факт, что орки – вовсе не порождения сатаны, а простые язычники, коих стоит вырвать из плена язычества и привести в лоно Церкви, что делать это нужно не огнем и мечом, а терпе-

нием и убеждением. То, что они отличаются от людей, объясняли все тем же язычеством, во мраке которого они-де живут уже многие века, еще до появления здесь паствы Господней. Что Господь, в мудрости своей, направил сюда людей, дабы они несли этим народам свет истинной веры, ибо каждая тварь на земле – творение Господа нашего.

Но люди позабыли о своем предназначении, позабыли, для чего в свое время, многие века назад, предки их направили стопы свои в Иерусалим, и просто решили, что Господь даровал им землю обетованную, новое Царство Небесное. Однако Господь в мудрости своей свел людей с орками, не ведающими истинной веры, люди же, позабыв о своем предназначении, восприняли их как врагов рода человеческого, и началась нескончаемая война, которая длилась уже не один век. Нет, они не призывали увидеть в орках братьев во Христе, ибо те не торопились встать под знамена истинной веры, но подводили к мысли, что сатана тут ни при чем. Вернее, происки сатаны-то как раз были повсюду, ибо он, одурманив разум служителей Господа нашего, поселил в их сердцах ненависть к древним жителям земли этой. Ослепленные ненавистью, они даже не пытались увидеть, насколько разны орки. В доказательство этому в каждом селе было по несколько семей с южного пограничья, которые не таясь рассказывали о том, чему сами были свидетелями в пограничье и насколько разнятся повадки степных орков от повадок орков лесных.

Сказать, что брат Сэмюэль был в шоке, – это не сказать ничего. Но многие беседы с падре и братом Адамом, представленные факты, документы в виде древних рукописей, в том числе и рукописи самого святого Иоанна – уж как они-то сюда попали? – постепенно убедили молодого и горячего инквизитора в правдивости всего этого. Тем более что сомнению предавалось не Писание и не вера в Господа, а именно отношение к оркам.

Не один и не два месяца минуло после его появления в Кроусмарше, прежде чем его решились отпустить в другие земли. Но теперь он знал и верил в то, что ничего сатанинского в орках нет, что они просто другие, вот и все.

Понял он и то, что безжалостное преследование инквизицией всего нового несет с собой большой вред. Вот доставленный им крестьянин Бон: чего в его делах сатанинского, если он, отбирая семена от самых лучших злаков, за многие годы добился того, что зерно из его семян выходило в полтора раза больше, чем у других? А его за это чуть на костер не спровадили: едва успели его умыкнуть вместе с семьей, причем против его воли, – он-то, не зная за собой грехов, хотел честно предстать перед судом. Здесь же с богатого урожая прошлого года все село Новак обеспечили необычными семенами, так что на будущий год барон планирует обеспечить семенами этого зерна уже все села баронства.

Или взять дочь старухи Арии. За что ее-то на костер, если она долг лекарский и христианский исполняла, помогая больному и ближнему? Откуда ей было знать, что тот обвинялся в ереси? Но долго разбираться не стали – вознесли на костер. А как же иначе, ведь и сама мать ее подтвердила, что дочка с нечистым водилась! А у старухи-то и выхода иного не было.

На многое теперь брат Сэмюэль смотрел иначе, многое увидел совсем в другом свете. Теперь судьба его была в том, чтобы помочь людям сбересть знания, которые люди в муках обретали, а иной раз в озарении, освященные волей Божьей. И свой долг он исполнял честно, а чаще и бесчестно – это уж как получалось.

Телега, проскрипев давно не смазываемыми колесами, втянулась во двор монастыря, и ворота за ним закрылись. Все. Теперь дома. Теперь можно говорить, не следя за каждым своим словом и не опасаясь доносов и, как следствие, ареста.

– С возвращением, брат Сэмюэль.

– Спасибо. А что, аббат Адам в монастыре?

– Вчера еще вернулся из Йорка. Все тебя выпрашивал. У себя он.

Поблагодарив монаха-привратника, инквизитор напрямик направился к своему начальнику. Оно конечно, главой всему здесь был настоятель монастыря, но только на инквизиторов

он смотрел снисходительно, прощая им их обхождение, так как они только жили здесь, да и то нечасто, в основном все время проводя в разъездах, обряженные обычными людьми, и рясы не носили, так как по роду деятельности не должны были привлекать к себе внимание. Всего их было десять человек, и старшим у них был аббат Адам, которого возвел в это звание год назад архиепископ Йоркский.

– Ну наконец-то. Я уж думал, не случилось ли чего, – встретил его радостной улыбкой аббат.

Поднявшись из-за письменного стола, за которым он работал, – новшество внесенное бароном, так было работать куда сподручнее, чем за секретером, а уж тем, у кого были проблемы с ногами, так и подавно, – он подошел к Сэмюэлю и тепло его обнял. Не было в этом ни тени наигранности, а только искренние чувства. Сэмюэль не обманывал Арию, когда рассказывал о том, что его воспитывал этот человек, воспитывал своеобразно, но все же был как отец родной – а кем у него отец-то был? – вот то-то и оно. Убийца – достойная замена лихому разбойнику, это еще разобраться нужно, кто больше жизнью загубил.

– Господь миловал. Все хорошо.

– Все удалось?

– Я же говорю: все хорошо.

– Так, донесение падре потом напишешь, да смотри там не забудь, поаккуратней, незачем ему все знать. А сейчас расскажи, как все прошло, да тут уж без утайки.

– Переговорить со старухой я не успел, – пожал плечами, словно говоря, «как аббат скажет, так и будет», начал он. – Когда я прибыл, в селе несчастье случилось: во время родов преставилась невестка старосты, и тот расплылся на все село – мол, это старуха погубила и дите нерожденное, и невестку. Хотя на самом деле ей не дали спасти девку, сами и загубили, дурни. Раз уж так случилось, то я решил воспользоваться ситуацией. Мы ведь сразу думали, что она не согласится переезжать.

– Да. Странно, но при всей неприязни к лекарям они не спешат уходить с насиженных мест.

– Может, думают, что везде одинаково и не стоит искать лучшего, если есть хорошее.

– Ну, хорошим такое положение не назовешь. Но возможно, ты и прав. Продолжай.

– Дело едва не испортил местный приходский священник. Он в свое время был при смерти, и старуха вместе с дочерью вернули его буквально с того света. Дочери он помочь не смог: там вмешалась инквизиция, и он был бессилён, а вот старухе пожелал помочь и образумить селян. Но это не входило в мои планы. Я представился ему, сказав, что здесь проездом, и выказал ему удовольствие, что в их селе столь ревностно борются с ересью.

– Священник начал науськивать крестьян?

– Нет. Он просто промолчал. Вообще не сказал ни слова. Но крестьяне поняли его так, как им было выгодно.

– Понятно. Ее исчезновение с тобой не свяжут?

– Нет. Я покинул село задолго до темноты, а потом дождался, пока стемнеет, отсидевшись в лесу. К старухе приходила какая-то крестьянка, уже после моего отбытия, так что ее исчезновение со мной не свяжут. Честно признаться, мне не нравятся методы, которыми мы действуем. Я привел сюда уже четверых, и только один пошел своей волей. Вернее, пошли-то они сами, да вот только мои действия вынудили их к этому. Можно ли творить добро подобным образом?

– Важен результат. Просто помни о том, что было бы с этими людьми, доберись до них наши братья по ордену, а потом вспомни о том, как эти люди живут теперь. Волю Господа можно нести разными путями. Святая инквизиция сжигает людей на кострах и тоже считает, что несет свет веры. Ария не догадалась?

– Нет. Но, честно признаться, жаль, что мы опоздали на три года. Ее дочь сильно превзошла свою мать.

– У старухи есть внучка – она ее обучит, и знание не будет утрачено. Кстати, старуха-то как, крепкая еще?

– Крепкая, да только и внучке-то всего шесть.

– А вот тут мы ничего поделать не можем. Иди, отдыхай. Даю тебе три дня, а потом снова в путь. Не смотри на меня как обиженный ребенок, сам знаешь – времени у нас не так много. Нужно торопиться.

– Мы прямо Ноев ковчег какой-то.

– Может, и Ковчег. Иди.

Аббат Адам проводил взглядом своего бывшего ученика и тяжело вздохнул. Какой талант пропадает даром. Обучая его ремеслу убийцы, он поражался его успехам: паренек все схватывал на лету и совсем скоро начинал делать то, чему его учил Стилет, гораздо лучше, чище и виртуознее. Выйди он на улицы городов в той ипостаси, к которой готовил его лучший мастер мокрых дел, – и он затмил бы своего учителя. Но не судьба. Стилет совершил ошибку гораздо раньше. А потом был епископ Патрик, и карьера молодого человека завершилась, так и не успев начаться, потому что он без оглядки последовал за своим наставником.

После распространения различных вещей, которые явно указывали на существование Империи, он получил новое задание от архиепископа Йоркского. Дело в том, что брат Горонфло, надзиравший в свое время за селением Новак, никак не хотел успокаиваться. Вернее, он-то притих, когда барон Кроусмарш убыл в свои владения, ожидая вестей о гибели как самого барона, так и тех, кто последовал за ним. По убеждению инквизитора, они все были заражены ересью, и такая судьба была бы только закономерной. Но вышло невероятное: даже будучи преданным наемниками, сэра Андрэ сумел вывернуться и остаться в живых, мало того – он спас своих людей и сберег от набега как свое баронство, так и земли Йорка. Нападение было внезапным, и маркграфство просто не было готово к набегу. Теперь имя барона Кроусмарша было на слуху у всего маркграфства и прилегающих земель. Это никоим образом не могло порадовать брата Горонфло, который начал усиленно заваливать архиепископа прошениями о дозволении проведения дознания на территории баронства.

А вот это уже никак не входило в планы Игнатия, но и оставить без внимания настоятельные требования о проведении дознания, так чтобы не привлечь к себе внимания, он тоже не мог. Однако помня о том, что он со своим сообщником архиепископом Баттером – а как его еще назвать – дали молчаливое благословение барону Кроусмаршу, он не направил туда брата Горонфло. Вообще-то это было бы просто идеально, но только в том случае, если бы брат Горонфло был в числе посвященных, но это было не так. Связываться в этом деле с фанатиком? Ну уж нет, Игнатий еще не выжил из ума.

Вместо него он направил туда брата Адама, благо тот был в курсе всего и отношения у него с сэром Андрэ были натянутыми. Вот только он не учел одной особенности брата Адама: тот весьма своеобразно относился к тем, кто ему нравился, например, мог попытаться его убить, просто чтобы выяснить, какова будет реакция. А реакция барона ему понравилась, хотя все могло закончиться для самого инквизитора плачевно.

Оказавшись в Кроусмарше, брат Адам в первую очередь посетил падре Патрика, и так уж случилось, что повстречал у него и сэра Андрэ. Казалось, что та встреча, что была в «Бойцовом петухе», просто продолжилась.

Он без утайки рассказал им обо всем, что приключилось с ним за то время, пока они не виделись. Рассказал и о фальшивом караване, и о плене, и о рабстве, и о побеге, сильно удивившись реакции сэра Андрэ по поводу найденного инквизитором в камышах каравана, рассказал и о том, что начали предпринимать два архиепископа. Правда, с Баттером он не

встречался, и напрямую о его участии Игнатий не говорил, но дознаватель сумел сложить два и два и получить правильный результат.

Однако та встреча вновь едва не закончилась плачевно. Все дело в бароне. Он ни на фардинг не доверял инквизитору при первой встрече, не изменил своего отношения и теперь. Глядя прямо в глаза брату Адаму, он, не скрывая своего презрения и злости, проговорил, цедя слова сквозь зубы:

– Ты в свое время уже предал падре. Только не нужно говорить, что это не так. Я долго беседовал с падре, я вижу тебя насквозь, как рентген. Не смотри на меня такими глазами.

– А что это такое? Рентген? – искренне удивился Адам.

– Кто о чем, а вшивый – о бане.

– При чем тут вши?

– Да ни при чем. Хочешь сказать, что я лгу?

– Нет. Донос был написан мною, – признал инквизитор, понимая, что либо между ними будет полное доверие, либо они попросту не смогут договориться.

– Успокойся, сын мой. – Падре положил руку на плечо сэра Андрэ, охлаждая его пыл. – Я не так уж и глуп и всегда знал, кто написал тот донос. – Эти слова заставили удивиться обоих его собеседников. – Но это не было предательством. Я привел Стилета в лоно Церкви и сделал его ревностным ее служителем. Как он мог реагировать на мои высказывания, следовавшие позднее? Он просто выполнял свой долг, вот и все. И когда он пытался организовать мой побег, он был столь же искренен и довел бы задуманное до конца. Вот только тогда чувства у него возобладали над разумом, и он просто позабыл, на что по-настоящему способна Святая инквизиция, когда она поистине хочет найти того, кто им нужен. Я же об этом не забывал и понимал, что вместе со мной погибнет и он. Я решил просто довериться воле Господа нашего, и Он выказал ее, послав тебя, сын мой. И чем дольше я нахожусь подле тебя, тем больше убеждаюсь в мудрости Его и безграничной силе. Оставь эти мысли. Брат Адам никогда не предавал меня.

Тогда сэр Андрэ поверил падре или сделал вид, что поверил, не суть важно. Он стал подробно расспрашивать Адама о всех деталях произошедшего с ним. После двухчасовой беседы он отчего-то взбодрился. Это обстоятельство несколько удивило его собеседников.

– Извини, сын мой. Но не подскажешь ли, что тебя так вдохновило в рассказе Адама, что ты так воспрянул?

– А разве вы еще не поняли? Господи, да все просто как день. Ну вот смотрите. Есть император Гирдган, которому до зарезу нужно без проблем пройти сквозь степи кочевников, он готов заплатить кочевникам, если они пойдут ему навстречу, и готов заплатить, много, по-императорски, не скупясь.

– И чего в этом хорошего? – удивился брат Адам. – Они возьмут дары – и войско беспрепятственно пройдет к нам.

– Э-э, не-эт. Не все так просто. Степняки имеют общего вождя?

– Нет, – ответил инквизитор.

– Значит, императору нужно будет договариваться сразу с несколькими вождями и ублажать их всех, а это может оказаться очень дорого. Но против императора выступают его же подданные – не открыто, но они всячески будут мешать ему. Во-первых, это работоторговцы, подобные тому, у которого ты был, и обычные торговцы живым товаром. Во-вторых, это торговцы, которые крепко завязаны на торговле со степняками: у них тоже немалую долю дохода составляет торговля рабами из людей – если не большую, при таких-то ценах. В-третьих, сами степняки, которые тоже имеют большую прибыль от торговли людьми. А император хочет в одночасье порушить уже веками устоявшиеся отношения.

– Ты хочешь сказать, что Империя не придет и степь все так же стоит заслоном между нами и нею?

– Нет, падре. Империя все равно придет. Вот только произойдет это не на следующий год и даже не через год. Я думаю, что года два у нас есть точно. Если только императору не надоест эта мышьяная возня и он не набросится на степняков, чтобы проломиться к нам. Но тогда мы об этом узнаем. Но и в этом случае у нас будет как минимум еще год. В зиму, конечно, можно выйти в поход, да вот только зимы здесь настолько суровы, что вряд ли он отважится на подобный поход в отрыве от своих баз снабжения. – Поняв, что вновь сказал нечто непонятное, он отмахнулся от немых вопросов: – Не обращайтесь внимания. Вы ведь поняли, что я хотел сказать? Вот и прекрасно.

– И что ты намерен делать, сын мой?

– То, чего от меня и хотят архиепископы Йоркский и Саутгемптонский. Готовиться к войне и ковать оружие. Но только, коли уж у меня появилась фора по времени, делать я это буду более основательно, чем задумывал раньше. Ваша же задача, брат Адам, состоит в том, чтобы Святая инквизиция как можно дольше не совала сюда нос, потому как далеко не многие знают о том, что происходит на самом деле.

– С чего вы взяли, что можете отдавать мне приказы? – возмутился дознаватель.

– А я и не пытаюсь вам приказывать, – пожал плечами сэра Андрэ. – Либо мы делаем одно дело, либо не делаем. Вот и все. Я лишь предлагаю равноценный союз. С одной стороны – я, моя задача – в подготовке войска и его снабжения. С другой стороны – падре, он должен будет позаботиться о крепости духа паствы и доведении до них настоящего положения дел, так чтобы не поднялся бунт и нас всех не вознесли на костер в праведном гневе. И с третьей – вы, ваша задача состоит в том, чтобы инквизиция не совала свой нос в наши дела и не порушила наших начинаний. Вот как-то так, а иначе и пытаться нечего.

– Вы настолько уверены в своих словах?

– Хорошо, давайте посмотрим на это иначе. То, что задумали архиепископы, внесет смущение в умы паствы, умные люди сделают правильные выводы, но чем это закончится, если Церковь останется в стороне от этих начинаний? Кострами. Будет много, много костров – и еще больший страх в сердцах людей. Все. Иного такими методами они не добьются. Да, люди будут перешептываться, поползут различные слухи, но священники, которые должны сказать свое веское слово, станут либо отмалчиваться, либо с завидным упорством талдычить о том, что все это происки нечистого и его слуг орков.

– И что же предлагаете вы?

– Я предлагаю закрыться в Кроусмарше, всех впускать и никого не выпускать отсюда. Я уж позабочусь, чтобы людям здесь жилось лучше, чем там, откуда они придут, – настолько лучше, что они сами не захотят отсюда уходить. Торговлей займется мой друг, других торговцев я сюда просто не пущу. Это будет выглядеть нормально, учитывая то, что он едва не разорился, поддерживая меня в моем начинании, теперь же, чтобы отплатить ему, я замкну всю торговлю на нем: хотят торговать нашим товаром – пусть покупают у него и кусают локти, раз оказались столь недальновидными. Полная изоляция. И в условиях такой изоляции – работа священников: уверен, что у падре найдутся единомышленники, в особенности из тех, кто знает об Империи. Некоторые уже прибыли, а скоро прибудет и тот, кто станет настоятелем монастыря Святого Иоанна. А вот безопасность – уже ваша епархия, и как этого добиться – решать вам.

В тот раз брат Адам сумел найти в себе силы поверить сэру Андрэ. Он систематически отправлял с голубиной почтой донесения в епархию, упирая на то, что ничего предосудительного, за исключением дозволенного, в Кроусмарше выявить не удастся. Иногда, примерно раз в месяц, он лично выезжал в Йорк, чтобы встретиться с архиепископом и в личной беседе сообщить то, чего не мог доверить бумаге. Конечно, он сообщал только то, что не могло возбудить в Игнатии подозрений по поводу того, что в Кроусмарше помимо дозволенной вольницы происходит еще что-то. Именно с благословения архиепископа брат Адам полностью закрыл

баронство для посещения посторонними, так как будоражащие слухи, да еще и сильно украшенные, поползли бы по стране, а это было нежелательно.

Памятуй о трудностях, с которыми столкнулся брат Горонфло, а также о том, что полностью изолировать баронство сложно, Адам испросил помощи, и ему было дозволено набрать пять помощников.

Однако хитрый Игнатий вовсе не собирался полностью доверять дознавателю, а потому направил в Кроусмарш под видом переселенцев еще двоих своих людей. Оба прижились и затихли до поры до времени. Они не должны были присылать донесений – это им надлежало сделать только в том случае, если бы они заметили что-то не укладывающееся в рамки дозволенного. Ну и раз в полгода они должны были слать вести, чтобы Игнатий просто знал, что они живы. Разумная предосторожность, да вот только и брат Адам, дознаватель с большим стажем, чего-то да стоил. Оба соглядатая были у него под колпаком, а вернее, под арестом в подземелье Кроусмарша, потому что оснований для поднятия тревоги у них имелось более чем достаточно.

Уже через год такой совместной деятельности барон высказал инквизитору свое намерение дать приют тем, кто не укладывался в нормальные рамки общества. Он предложил брату Адаму заняться кроме обеспечения безопасности спасением тех, кто являлся носителями каких-либо новых знаний.

– Только не надо говорить о том, что все новое – это происки сатаны, – оборвал он попытавшегося было возразить инквизитора. – Возьмем то оружие, которое я нашел на орочьей стороне. Не будь его – и орки огнем и мечом прошли бы по маркграфству, а теперь эта опасность больше просто не существует. Сыграло в этом свою роль и то оружие, которое создал небезызвестный кузнец Грэг, а ведь им в свое время очень сильно заинтересовалась инквизиция. А мой смерд старик Тони – ведь его фактически приговорили к сожжению, только мое вмешательство спасло его. А чего плохого он сделал? Разгадал секрет, как можно получить хорошую оружейную сталь из плохого железа, а ведь именно это сберегло жизни многим моим воинам, и мне в том числе. – Он не стал указывать на тот факт, что это было не так, жизнь ему не раз спасал титан, но суть-то была верной. – И так во многих вопросах. К примеру, из-за негативного отношения к лекарям и слишком частого сравнения их с колдунами их не так-то и много, а смертей от болезней не так уж и мало, но людей попросту некому спасать. Там, где есть приличный лекарь или лекарка, смертность гораздо ниже, люди воспринимают это как данность и, только сами же уничтожив того, кто нес им исцеление, понимают, что лишились чего-то значимого.

– Так что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам направить часть своих людей за пределы Кроусмарша и попытаться спасти как можно больше людей, способных привнести новые знания. Они могут заниматься всем чем угодно. Здесь мы предоставим им свободу действия, обеспечим средствами, и, если их начинания будут способны принести пользу, мы дадим ход их новинкам, если увидим вред – сможем пресечь это. Все расходы я возьму на себя, вы просто укажите нужную сумму и обеспечьте выполнение этого.

Так появились инквизиторы, работой которых было только выявление подобных лиц и препровождение их в баронство. Брат Адам сомневался в целесообразности этого, но решил попробовать и посмотреть, что из этого получится. А получилось неплохо. Очень неплохо.

Крестьянин, который проявил интерес к зернам пшеницы и ячменя. Благодаря его любопытству значительно увеличился урожай. Ткач, решивший облегчить свой труд, создал удивительный ткацкий станок, который не просто облегчил процесс получения полотна, а и увеличил его производство на порядок. Стекольных дел мастер, увлеченный своим делом настолько, что сумел получить не то мутное стекло, которое использовали до этого, но добился его абсолютной прозрачности, без пузырьков воздуха. Крестьянин, который, скрещивая разные породы овец, сумел получить новую породу, дающую значительно больше шерсти и гораздо лучшего

качества, чем другие. Подобных примеров было уже около двух десятков, и в каждом случае в Кроусмарш попадали просто уникальные люди с уникальными знаниями, и эти знания уже приносили свою пользу. Да, это обогащало барона, но это делало богаче и жителей баронства, которые не знали, что такое голод. Даже кабальные, которые практически все отдавали барону, не знали особой нужды, а уж о голоде и говорить нечего.

Глава 2

«Хочешь мира – готовься к войне»

– Сменить приклад! Не суетись, но и не медли. Я говорю, не суетись. Смоли, остановись! Ты же видишь, что приклад не встал на резьбу. Он должен вкручиваться легко, а у тебя не идет, значит, пошел наперекос. Вы не должны прикладывать силу, усилие нужно только в конце, чтобы прижать манжету! Во-от, теперь молодец. Сменить приклад!

Андрей с улыбкой наблюдал за тем, как Брук прохаживался вдоль строя из десятка раскрасневшихся от волнения и натуги парнишек, по-деловому раздавая указания. За прошедшее время он уже успел стать полноценным воином, именно воином, а не новиком, не стрелком и не оруженосцем барона и дать вассальную клятву. Он по праву считался теперь ветераном, несмотря на свой молодой возраст, так как у него за плечами было уже два похода в степь. В первый раз он оказался там еще мальчишкой, даже не будучи новиком, и показал себя с наилучшей стороны, как и пять его товарищей. Во второй раз это произошло в прошлом году, когда он убыл на границу в составе отряда разведчиков пограничной крепости.

Понимая то, что, как ни учи воина, а без настоящей практики он не станет полноценным бойцом, Андрей решил, что его дружине нужно набирать этот самый опыт. Быть в дружине и не принять участия в боевом походе? Такого в дружине барона Кроусмарша отродясь не водилось, и это знали все. С самого начала новики знали, что они отправятся в поход, оставив свои семьи, уйдут далеко от родного дома, чтобы защищать тех, о существовании которых они и не знали раньше, а может, и не узнают, как не узнают их лично и те, кого, собственно, они будут защищать.

Ему без труда удалось убедить архиепископа в необходимости направлять в пограничные крепости его отряды. Вернее, он не убеждал: направил ему прошение о дозволении исполнять долг каждого христианина по защите рода людского от происков детей сатаны. Примерно так это звучало. А там... Пограничные крепости постоянно испытывали некомплект личного состава, а остальное донес в нужном виде теперь уже аббат Адам.

Архиепископу нечего было противопоставить этому желанию, так как он тоже понимал, что боевой опыт был просто необходим, да и не мог он не откликнуться на желание кого-либо послужить под инквизиторским плащом с красным крестом. Вот только направлялись эти отряды лишь в две крепости – Криту и Викторию, располагавшиеся на территории Саутгемптонского маркграфства. Причина этого была понятна аббату Адаму, но он не показывал виду, что что-то понимает, он даже предлагал направлять отряды в разные маркграфства, – сэр Андрэ решил командировать каждый год по сотне воинов, что в среднем составляло два отряда дальних патрулей, мотивируя это тем, что им все равно, где получать опыт, а людским землям будет больше пользы, но понимания со стороны архиепископа не встретил. Была эта причина ясна и Андрею, потому как ему ненавязчиво давали понять, что его люди могут начинать набирать опыт применения нового оружия, не больно-то опасаясь инквизиции, которая вела строгий контроль за всем происходящим на границе, и даже все войска пограничья фактически были под их началом. Такое положение как нельзя лучше устраивало всех, а при таком раскладе от этого могла получиться только польза и никакого вреда.

В состав отрядов по пять десятков бойцов входил и десяток мальцов, которые наилучшим образом проявили себя в ходе обучения воинскому искусству. Можно было подумать, что Андрэ не в своем уме: как можно посылать в боевой поход с самыми настоящими боями мальчишек? Но он преследовал свои цели. По сути, весь приют состоял из новиков. Если остальные ученики семинарии после «промывки мозгов» по большей части должны были просто вернуться к тем занятиям, которыми занимались их родители, то сироты этого выбора были

лишены. Правда, они были только рады этому, но, как говорится, из песни слов не вычеркнешь: он попросту лишал их выбора, какие бы у них ни были склонности, без тени сожаления, уготовив им только одну судьбу – поле брани.

Все это могло бы показаться странным, если не знать истинных намерений Андрея. Он все еще прекрасно помнил, чего чуть было не стоило ему поведение наемников перед нападением орков. Конечно, у него теперь на службе не было ни одного наемника, и он зарекся иметь с ними дела, но и полностью довериться тем, кто служил под его знаменами, он тоже не мог. В этом мире клятвы значили гораздо больше, чем в оставленном им, но люди есть люди, и если встанет вопрос, а не послать ли все и не спасти ли своих близких или себя любимого, могут сделать выбор, совсем не подходящий для Андрея.

С мальчишками все было иначе. Молодежь вообще отличает максимализм во всем – они видят только белое и черное, – а еще и романтика. Струсить и оставить сюзерена – позор, а вот пойти на смерть, прославить себя в веках... Как-то так. Отсюда и его особое к ним отношение, и отношение Анны. Впрочем, она-то как раз делала все от чистого сердца – может, потому-то, чувствуя это, мальчишки больше тянулись именно к ней и именно за нее были готовы и в огонь, и в воду. Многие, и Андрей небезосновательно предполагал это, выбрали ее дамой своего сердца, как и подобает настоящему рыцарю. Ревновать? К кому? К мальчишкам, которые все делали от чистого сердца и всей душой: если ненавидеть – то каждой фиброй своей души, если любить – то до гробовой доски, если быть верным – то до последнего вздоха, до последней капли крови... Нет уж, увольте. Конечно, они повзрослеют, и во многом их отношение изменится, но вот только более преданных бойцов у него не будет, потому что тот багаж, который заложится в них в детстве, они пронесут через всю свою жизнь.

А зачем ему это нужно, если в скором времени все может очень сильно измениться? Не лучше ли собрать не те две сотни воинов и полусотню егерей, в которую трансформировалась охотничья артель Жана, а еще одну сотню полноценных бойцов? Расходы-то вполне сопоставимы. Но Андрей думал о далекой перспективе, потому как если бы он не верил в то, что Империю удастся отпраздновать, то и не начинал бы весь этот сыр-бор. Мальчишки были его залогом в будущем. А потом, кто сказал, что они останутся в стороне? Они уже принимали участие в боевых походах. Да, их роль была вспомогательной. Да, они не сходились грудь в грудь. Но там, где они были, лилась отнюдь не бутафорская кровь и опасность была куда более реальной. Испытывал ли он угрызения совести по этому поводу? Нет. Он многое сохранил в своем багаже из опыта прошлой жизни, но стал более циничен и прагматичен. Плохо? Возможно. Но невозможно всю жизнь проходить в белых перчатках. Будь он таким в прошлом – и кто знает, возможно, даже скорее всего, там у него все сложилось бы иначе. Но там не было таких условий, в которые он попал здесь: среда накладывает на нас свои отпечатки, вот и его она сильно изменила.

Шесть лет. Шесть лет, как он живет в этом странном и ставшем для него родным мире. Опасном, коварном, страшном, но таком близком. Все началось с того, что его, жителя двадцать первого века, ударила молния – и он перенесся в этот мир.

Мир, где нашли приют потомки выходцев из Иерусалима, которым посчастливилось пережить осаду войска Саладина. Обретя землю обетованную, новое Царство Небесное, люди остались людьми, со всеми своими недостатками. Начались ссоры, распри, деления по национальному признаку. В конце концов люди разделились на три лагеря, образовав три государства, беспрестанно враждующие между собой: Англию, Францию и Германию. Более восьмисот лет они прожили в этом мире, но за это время их уклад никак не изменился, они словно замерли на этапе Средневековья.

Но люди не разобшились окончательно. Церковь выступила в качестве раствора, сумевшего их цементировать, она обладала всеобъемлющей и полноправной властью над людьми, властью без мишуры, действующей исподволь, но от этого не менее сильной. Именно благо-

даря Церкви, опирающейся на орден инквизиторов, люди и замерли в своем развитии. Всякое инакомыслие, все новое, привносимое в этот мир, безжалостно преследовалось и каралось, ибо могло привести к расколу самой Церкви и гибели людей, потому как они со всех сторон были окружены врагами.

Орки. Исчадия ада и порождения сатаны. Их наслал на людей сам сатана с попустительством Господа в наказание за то, что люди не смогли жить мирно в новом мире. Так считалось и было непреложным века, пока в этом самом мире не появился Андрей Новак. Обычный пенсионер МВД, с необычным неумным характером, упертостью и своим особым отношением к жизни.

Нет, он не хотел ничего менять. Более того, он хотел органично вписаться в местную жизнь и просто жить, благо со средствами к существованию у него проблем не было, а спасенный на орочьей стороне купец Эндрю Белтон стал здесь его проводником. Но так уж сложилось, что до конца вписаться в этот мир у него, человека двадцать первого века, так и не получилось. Ну что он мог поделывать? Понадобилось большое количество досок, а времени не так чтобы и много, – пожалуйста вам пилорама; нужно просверлить отверстие, и не одно, – с этим вполне справится ручная дрель; и так во всем. Благодаря удару молнии он стал обладать абсолютной памятью и небывалой регенерацией, и то и другое он использовал по полной.

Попав в этот мир, он привнес в него огнестрельное оружие. Нет, оно не распространилось повсеместно, а осталось только при нем – те несколько стволов автоматического оружия, собственно говоря, благодаря которым он и оказался здесь, и несколько цинков с патронами. Эти патроны – все, что у него было, так как изготовить других он не мог, как не мог сделать и элементарного черного пороха. Абсолютная память и знания – понятия разные. Ну не интересовался он в прошлом, как изготовить порох.

Однако ему необходимо было преимущество, так как помимо орков опасность исходила и от людей. Могли напасть разбойники, мог напасть какой-либо барон или граф – междусобойчики здесь были делом довольно обычным, – содержать же большую дружину было делом накладным. Вот так и вышло, что, не найдя другой альтернативы, он решил «изобрести» пневматическую винтовку, взяв за основу винтовку Жерардони, о которой в свое время много читал, а теперь все это мог без труда вспомнить.

Но, как выяснилось, все эти новшества не остались незамеченными инквизицией. Когда Андрей, а теперь уже господин Андрэ, понял, что для него запахло жареным, он превратился в сэра Андрэ, так как имел право на рыцарскую цепь, сразив двадцать орков и завладев их тотемными браслетами.

На сэра Андрэ была наложена епитимья – служба в течение года на границе со степью, где он должен был противостоять степным оркам. Отправляясь туда, он для себя твердо решил больше не выделяться и просто прожить спокойную жизнь, тем более что к тому моменту уже был женат.

Однако служба на границе внесла свои коррективы в жизнь новоявленного рыцаря. Так уж случилось, что ему стало известно о том, что орки – никакие не исчадия ада и не порождения сатаны, – это он понимал и прежде, но не мог сказать об этом остальным. Но служба на границе, он получил доказательства, что орки просто хозяева этого мира, или этой планеты – что это было, он так и не понял, – а люди здесь только гости, или пришедшие извне. Он узнал и о том, что существующие государства орков уже давно точат зубы на людские территории, а самое главное – что люди и понятия не имеют о существовании сильных орочьих государств. Церковь всячески скрывала эту информацию.

Он побывал в Южной империи и узнал, что империи Закурт остался последний бросок, чтобы стать владычицей всего цивилизованного мира орков. Новаку стало ясно, что император на этом не успокоится и, преодолев степь, выступающую своеобразным буфером, обрушится на людей, чтобы поработить их и расширить свои владения.

Он хотел спокойной жизни, но понял, что эта жизнь будет иллюзорной и продлится недолго, так как, если придет Империя, которая все это время бурно развивалась, королевства людей попросту не выстоят.

Поэтому, обладая большим состоянием, он выкупил глухой уголок, где он мог отгородиться от остального мира, и, превратившись в барона Кроусмарша, начал ковать оружие и готовить свою армию. Нет, он не считал себя мессией и не стремился спасти всех людей, но так уж сложилось, что выжить он мог только в том случае, если устоят люди. Потому что бежать ему было некуда, вокруг были только орки, жаждавшие если не крови людей, то видеть их рабами. Потому что у него появилась семья, появились друзья, вассалы, которых он уже не мог бросить. И вот сейчас в глухом баронстве Кроусмарш усиленно ковалось оружие, способное остановить врага, ковалось под страхом разоблачения и неминуемой расправы со стороны инквизиции.

Брук подошел к одному из парнишек и, забрав у него карабин, сноровисто, практически одним движением отсоединил приклад-баллон, а затем столь же молниеносно его присоединил. Затем медленно показал, какова должна быть последовательность действий, положение рук, кисти. При этом мальчишки сломали строй и во все глаза смотрели за наставником, жадно ловя каждое его слово и движение. А как иначе-то, ведь Брук, Тод и Дот – только эти трое остались в живых из первой шестерки мальцов-стрелков – были ярким подтверждением того, что все их мечты основаны не на пустом месте. Они были самыми молодыми воинами в дружине и в то же время уже были в числе ветеранов, и на их счету было, пожалуй, побольше орков, чем у кого-либо другого. В общем-то именно по этой причине все трое сейчас были наставниками у мальчишек, хотя можно было найти и куда более опытных бойцов. Но, во-первых, они были примером для подражания, а во-вторых, вряд ли можно было найти более искусных стрелков, чем они, а уж карабины-то у них в руках были как влитые, парни стали настоящими виртуозами. А как их еще назвать, если с расстояния в сотню шагов со скачущей во весь опор лошади они всаживали в человеческий силуэт десять пуль из десяти возможных? Виртуозы и есть.

Вспомнив об остальных парнях, Андрей посмотрел в другую часть тренировочного поля. Там занимались товарищи Брука, вот только в руках у их учеников были арбалеты. Карабинов пока была нехватка – ими едва удалось обеспечить уже имеющуюся дружину, так что на новичков достался лишь десяток. Практика показала, что карабины были не столь уж и надежны. Капризное в общем-то оружие, требующее тщательного ухода и хороших навыков, поэтому при стрелках всегда были и арбалеты. А потом, если стрелок добивался хороших результатов при стрельбе из арбалета, то овладение карабином проходило уже на ура.

Бросив последний взгляд на ребят, Андрей отвернул коня и направился в сторону дороги. Ему предстоял неблизкий путь до Пограничного. Впрочем, это как посмотреть – если по меркам его прошлого мира, то минут пятнадцать на машине, разумеется по трассе, здесь же этот путь занимал несколько часов, ну если не вскачь, со сменными лошадьми. Сейчас в этом необходимости не было: он уже привык к неторопливому ритму жизни, присущему этому миру.

Вспомнив о машине, он с грустью вздохнул. Единственное авто этого мира сейчас ржавело в одной горной долине, на орочьей стороне, по другую сторону большой реки Яны – именно туда его выбросило в свое время, когда он оказался здесь. Впрочем, и автомобилем-то те останки назвать было нельзя, так как его многострадальная «шестерка» давно была разобрана на части и привезена на эту сторону. Подумалось о том, что он когда-то планировал построить паровую машину, взяв за основу двигатель, но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Сначала он не мог этим заняться, потому как это было просто опасно, сейчас на это не хватало времени: нужно было срочно извлекать выгоду и полученные средства пускать на повышение обороноспособности. «Хочешь мира – готовься к войне» – непреложная истина. Он и готовился. Потому что не верил, что карт-бланш, предоставленный ему инквизицией, а вернее, двумя ее представителями, знавшими много о том, что здесь творится, но

решившими не мешать, так как тоже знали о намерениях императора орков, продлится вечно. Минует опасность со стороны Империи – и те же Игнатий и Баттер первыми набросятся на него, скорее всего, даже объявят крестовый поход. Так для чего тогда он думал о других, а не решил просто остаться в стороне? Да просто в одиночку ему не выстоять, он ведь не былинный богатырь: «...Махнул направо – улица, махнул налево – переулочек». Хорошо бы, да в сказки он уже давно не верил.

Правда, многое из того, что было взято с машины, пошло в ход еще там, в прежнем Новаке, первом поселении, устроенном им под рукой маркиграфа Йоркского. А откуда взялись все эти болтики, гаечки, винты, подшипники, шестеренки, цепи приводов, звездочки, редукторы, клапаны, которые использовались при изготовлении и станков, и оружия, – не из воздуха же материализовались? Все это было сделано по образцу и подобию того, что было снято с «шестерки».

Он как-то подумал сделать электрогенератор, но отказался от этой затеи. Знания его в этой области были обрывочны, и он не мог соединить их воедино – что скажешь, учился он в свое время не столь уж хорошо, а любознательность его была направлена несколько в иное русло. Реанимировать генератор с машины тоже не вышло: удар молнии вывел из строя всю мало-мальскую электронику, так что генератор попросту сгорел. Ну откуда в этом мире взять, к примеру, диодный мост? Магазины автозапчастей остались в недосыгаемом «прошлом». Максимум, на что хватило бы его знаний, – это на изготовление маломощной динамо-машины, но практического ее использования он пока не видел, вот и оставил эту затею до лучших времен, если вдруг придет какое озарение.

Продвигаясь по дороге, он встречал на своем пути крестьян, ремесленников, которые направлялись куда-то по своим делам. Нет, сказать, что люди попадались на каждом шагу, было нельзя, но люди встречались, что еще совсем недавно было невиданным здесь зрелищем. Раньше на месте этой дороги угадывалось только направление, по которому двигались сменные отряды с обозами, для службы в Кроусмарше, теперь же дорога была весьма наезжена, и от нее то и дело виднелись ответвления на отдельно стоящие хутора. А вот столь же наезженная дорога в Обрывистое – его военно-промышленный комплекс, как он про себя называл село, в котором был старостой Грэг. В это село вело две дороги – вторая, не менее накатанная, была значительно южнее и проходила от пристани на берегу Быстрой, по которой доставлялась руда. Обе дороги сходились у Обрывистого, вернее, основная дорога проходила рядом с селом в сторону промышленной зоны, расположившейся в отдалении, а от нее шло ответвление в само село.

Пограничное встретило его довольно шумно, и было отчего. Прибыл караван Эндрю, а это всегда было большим событием. За прошедшие три месяца, что он был здесь в последний раз, товаров в его лавках стало значительно меньше, а значит, и выбор сильно упал, – не сказать, что это было критично, но все же. Люди в баронстве жили весьма обеспеченно, а потому могли думать не только о хлебе насущном.

Конечно, не весь товар останется в Пограничном, им столько и без надобности, но Пограничное было первым селом, куда заходил прибывший караван. По сути, Эндрю приходил сюда по реке, на трех судах, в этом селе была его лавка, при которой находились его повозки и лошади, которые по прибытии отправлялись на пристань, где загружались. Потом караван начинал свое движение по баронству, вернее, здесь он разделялся. Часть уходила в Обрывистое, другая брала направление на Новак, третья – на Мастеровое, село, основанное ремесленниками, и на сам Кроусмарш.

Кроусмарш сейчас постепенно превращался в аккуратный городок, проектируемый и застраиваемый мастером Лукасом по одному ему ведомому проекту. Андрей даже не пытался влезать в его дела, просто еще перед началом строительства высказал свои пожелания, и ста-

рый мастер обещал их учесть, в остальном он не терпел вмешательства в строительство ЕГО города, и попробуй возрази главному архитектору.

Оживление, подобное тому, что сейчас царило в Пограничном, скоро прокатится и по остальным поселениям, повозки небольших караванов уже выдвигались из села, направляясь каждый по своему маршруту. Удивительным было то, что их никто не охранял: охрана в полном составе осталась на берегу, возле судов. Кроусмарш как-то так и не обзавелся лихими ребятами. Отчего-то им тут было неуютно. Недобрая слава о бароне следовала за ним еще с тех времен, когда он и рыцарем-то не был. Если он был столь нетерпим к этой братии там, на не принадлежащих ему землях, то проверять, насколько он проявляет заботу о своих, ни у кого желания не возникало.

Андрей проехал напрямик в лавку друга – конечно, при посещении села нужно было в первую очередь посетить приходского священника, выказав свое почтение, встретиться с Джеффом, который надзирал за этими землями, в конце концов переговорить со старостой. Узнать, как идут у них дела, – и только после этого заниматься иными делами, но больно уж он соскучился по Эндрю. По большому счету, он и сегодня-то приехал сюда именно по этой причине. Конечно, Белтон непременно приедет в Кроусмарш, но вот захотелось его увидеть, хоть тресни.

Друг встретил его, широко разведя руки и поспешив заключить Андрея в свои объятия.

– Андрэ, дружище!

– Здорово, бродяга! – не менее тепло и крепко обнял друга Андрей, и не думая чиниться тем, что перед ним простолоудин.

Происходило это во дворе лавки, на глазах как у работников купца, так и у многих крестьян, поспешивших в лавку к новому завозу. Однако никто не выказывал удивления по поводу столь теплой и нетипичной встречи купца и барона: всем было известно, что они уже давно и крепко дружны. Хочется барону водить дружбу не со своей ровней, а с купцом, – ну и пусть его.

– Эрик, ну чего ты торчишь столбом?! Живо вели накрывать на стол! – обернулся купец к своему приказчику.

– Все уже готово, господин Белтон.

– Пошли опрокинем по стаканчику вина. Ну и ты, судя по всему, еще не обедал, так что заодно и пообедаем: я как чувствовал, что ты приедешь, потому и сам еще не сел.

– Можно подумать, что когда-то было иначе. Всегда стараюсь подгадать под прибытие твоего каравана.

– Ой, как бы не так. Наверняка твой Бэн, как только узнал о моем прибытии, отправил к тебе гонца.

Андрей лишь пожал плечами. А что тут скажешь, если это так и есть. Это там, на той Земле, можно было что-то планировать по часам и даже по минутам, а здесь зазор в неделю был обычным явлением. Конечно, ему сообщили о прибытии каравана, который прибыл еще вчера вечером, а только сегодня с рассветом занялись разгрузкой судов. На таком же незначительном участке, да еще верхом, не обремененным поклажей, рассчитать время прибытия было несложно. Вот Андрей и подгадал, чтобы друг успел справиться с основными вопросами.

– Ну рассказывай, как у вас тут дела? – когда первый голод был утолен, набросился Эндрю на друга. Его не было в баронстве три месяца, а учитывая неумный характер местного барона, срок этот был весьма велик – могло произойти все что угодно.

– Ты настолько уверен, что будет что-то новое?

– Даже не смешно.

– Ну что же, есть новое. В Мастерском поставили новую ткацкую мануфактуру.

– Это еще что такое?

– Не делай таких глаз. Ты же знаком с тем, как изготавливают арбалеты, проволоку, – вот что-то подобное.

– Но ведь это все связано с металлом.

– А это с тканью. Просто большое помещение, где расположено несколько ткацких станков и работают наемные рабочие, продукция разная, но смысл один и тот же.

– Это что же, теперь мы сможем захватить весь рынок по тканям?

– Нет, Эндрю, от скромности ты не умрешь. Конечно, продукции мы сможем давать довольно много, но не так, чтобы обеспечить тканью всех. Другое дело, что благодаря новым станкам мы сможем давать больше продукции и продавать ее немного дешевле, при этом получая больше прибыли за счет объемов. Ну, все как всегда.

– Что еще?

– А еще – я все же решил осуществить свою мечту с оконным стеклом. Помнишь?

– Помню, конечно. Да только помнится, я тебе объяснял, что не стоит хвататься за все сразу.

– А я и не хватаюсь. Я только ссуживаю людей деньгами, а они организывают производство, ну а я получаю половину от их заработка.

– То есть ты нашел стекольных дел мастера?

– Нашел. Причем он умеет получать абсолютно прозрачное стекло. Я только подал ему идею по оконному стеклу, а он уже додумал, как получить это самое стекло, и я помог ему устроить мануфактуру. Так что теперь думай, как доставить это стекло до господ баронов и графов. Товар, я так понимаю, не из дешевых – по цене определишься, когда увидишь готовое изделие.

В политике ценообразования Андрей полностью доверял другу. Конечно, деньги лишними никогда не бывают, и сверхприбыли зачастую пробуждают в людях большую жадность, но в отношении Эндрю он этого не боялся. Новак знал, что купец закупит у него товар по нормальной цене и ничего не привезет сюда по завышенным ценам. Эта уверенность была основана вовсе не на слепой вере другу, отнюдь. Просто Белтону было невыгодно обманывать его. Заполучить монополию на торговлю в определенном регионе – это дорогого стоит, а оказаться единственным торговцем, допущенным в Кроусмарш... Нет, рисковать своим нынешним положением купец не станет. Будь здесь и другие купцы, в условиях здоровой конкуренции можно было бы получать те же товары по несколько низшим ценам, а отпускать свой подороже, но сейчас существующее положение дел Андрея полностью устраивало, потому что ему необходимо было как можно больше ограничить посещение своих земель посторонними, устроить, так сказать, железный занавес. В свое время это плачевно сказалось на его родине, но тут дело такое – главное, не упустить момент, когда этот занавес можно поднять. Сейчас время еще не пришло и придет нескоро.

– А я собирался сразу Анну навестить. Ну ничего, после посмотрю, я здесь минимум две недели проведу: теперь мои основные предприятия оказались у тебя, а не в Дувре, так что не грех и подзадержаться.

– Вот дома у меня и посмотришь. Я уже остеклил все свои окна. Кра-со-та. Тебе понравится, уверен.

– Уверен, что понравится, тем более если они такие же прозрачные, как на той твоей повозке, – имея в виду брошенный на орочьей стороне остов «шестерки», проговорил Эндрю. – Да только понравится ли это его величеству? Если все так, как я думаю, то в первую очередь нужно обеспечить этим короля, потом герцогов, а только потом можно будет подумать об остальных. Ты ставишь себя выше короля? С головой совсем не дружишь?

– Ничего подобного. Во-первых, этого никто не видит, во-вторых, должен же был я где-то испытать этот товар, прежде чем предлагать это королю. Впрочем, нужно еще узнать то, что я уже использую это стекло. Ты же никому не скажешь, – пригнувшись, заговорщицким шепотом закончил Андрей.

– Да ну тебя, – даже обиделся Эндрю, чем вызвал громкий смех Андрея.

– Ладно, теперь рассказывай, что нового на большой земле. Сидим тут запершись в своей долине, людей не видим.

– На большой земле, как ты выражаешься, беспокойно. Инквизиция лютует всюду. Костры полыхают и в Англии, и во Франции, и в германских княжествах. Все словно с ума посходили. Множатся самые странные слухи.

– И что за слухи? – уже абсолютно серьезно поинтересовался Андрей.

– Нехорошие слухи. Все началось года два назад. Повсюду стали появляться то какие-то странные предметы, которые никак не могли быть сделаны людьми, но и на работу степняков или лесовиков тоже ходили мало. Потом стали появляться монеты. Тебе нужно объяснять, что значат монеты?

– И что же?

– Государство. Понимаешь, Андрэ, орочье государство. А потом стали выплывать разные люди, которые побывали в плену у степных орков и были вызволены оттуда или попросту бежали. То, что они рассказывают, и вовсе ни в какие ворота...

Андрей молча выслушивал Эндрю, а тот все вещал и вещал о тех страстях, что творились в мире. Андрей решил не посвящать друга в то, что ему самому известно, и было это связано с тем, что тот бывал в Кроусмарше наездами, а основное время проводил на большой земле, и дом его был в достославном городе Дувре. Не нужно это было купцу. Пока не нужно. Но судя по всему, время все же пришло. Он ему все расскажет, но только не здесь, а дома. Там, где он может быть уверен, что его точно никто не подслушает.

– Ну, с этим все понятно. Что еще?

– Я рад, что тебе все понятно. А вот мне ничего не понятно. Я ему о серьезных вещах, а он – «все понятно». Может, тогда объяснишь мне, непонятливому?

– Не кипятись, Эндрю. Да, творится нечто странное, но как это может повлиять на нас именно сейчас? Никак. А потому давай не о слухах, а о фактах.

– Скоро начнется война между Англией и Францией.

– С чего ты это взял?

– Многие сворачивают свои торговые предприятия, быстро закупаются и вывозят товар. Англичане спешат покинуть Францию, французы спешат из Англии, заключаются новые сделки, которые переориентируются либо на местный рынок, либо на германские княжества. Верный предвестник. Будет война, точно тебе говорю. Я и сам уже свернул все операции во Франции.

– Ну вот. А ты мне про какие-то слухи.

– Да что тебе война. Ты же стараешься остаться в стороне от войн. Я помню, что два года назад ты попросту откупился, чтобы не ввязываться в эту бойню. Откупишься и теперь: золота у короля всегда не хватает.

– Возможно, это так и будет. Да только мог бы сначала поведать об этом, а ты мне про слухи и сплетни.

– Ну, и эта война еще не новость, а только слухи и сплетни.

– Только у них обрести реальность гораздо больше шансов, чем у того непонятного, о чем ты мне вещал.

– Да, это так. Ну а что ты скажешь, если я сообщу тебе, что многие крупные торговцы начинают сворачивать свои операции в южных провинциях? Там цены уже чуть не до небес взмывают.

– Паника?

– А с чего бы панике-то взяться? Нет, Андрэ, назревает что-то нехорошее. Очень нехорошее. Об этом со всеми подряд говорить не станут, но люди богатые и предприимчивые имеют свое чутье, и далеко не всегда это просто чутье, потому что доверяться только своим чувствам

никто не станет – эдак и прогореть недолго. Кто-то что-то знает, другое дело, что он делиться этим не станет: небезопасно. Но от границы со степью тянет войной.

– Тебе что-то известно конкретное?

– Да не известно мне ничего. Мне известно, в какую цену сейчас в южных провинциях те или иные товары. Мне известно, что крестьяне, имеющие там свою собственную землю согласно грамотам, освященным Святой Церковью, оставляют свои земли и ни с того ни с сего перебираются в северные провинции, где становятся простыми арендаторами.

– И давно начался отток населения?

– Да он пока и не начался, но пара случаев мне известна, причем землю они не продали, а просто оставили.

А вот это было уже интересно. Конечно, люди состоятельные никогда не стали бы такими, если бы не заботились о том, чтобы иметь побольше информации. Эндрю прав: кто-то что-то знает – только этим можно объяснить все происходящее. Например, мэтр Вайли и Рем знали о грозящей опасности, и они постепенно, так чтобы это не бросалось в глаза, начали сворачивать операции, однако не делали это поспешно, готовые в случае необходимости что-то потерять, – Андрей обязался восполнить потери, благо Золотая все еще была на прежнем месте. Но переезд тестя и шурина они решили откладывать настолько долго, насколько это вообще возможно.

Игра, которую затеял Андрей, была очень опасна. Стоило узнать о творящемся в баронстве инквизиторам, да даже тому же Игнатию, который знал только малое, – и на Кроусмарш могли направиться полки в белых плащах с черными крестами. Священный крестовый поход, чтоб ему. Поэтому собирать всех дорогих людей в одном месте он не спешил, а на случай, если уж совсем припечет, у него был портал, в который он мог сбежать. Но дом для мэтра Вайли и его сына в Кроусмарше уже строился, вернее, его строительство уже подходило к концу: сейчас повсю шли отделочные работы.

Андрей решил пока не волноваться понапрасну. Кто мог поручиться, что его родственники под большим секретом не поделились со своими старинными партнерами этой информацией? А тогда получалось, что он мог испугаться своей собственной тени. Правда, могло оказаться, что источник вовсе не он, а кто-то другой. В конце концов, среди людей стали появляться те, кто был освобожден или бежал из плена. Но опять опасность если и существовала, то на перспективу. Сейчас стояла середина лета, время для вторжения не самое подходящее. Территория, занимаемая людьми, была довольно обширной, к тому же изобиловала укреплениями – а чего вы хотите, если каждый замок был маленькой крепостью?.. Хорошо, большинство, как оборонительные сооружения, годились только для того, чтобы выстоять в маленьком междусобойчике или отбиться от какой-нибудь распоясавшейся и обнаглевшей банды, но как минимум треть из них были неплохо укреплены. А города? Это были еще те крепкие орешки, которые не враз и сгрызешь. Андрею вообще не верилось, что орки даже при самых оптимистических прогнозах сумеют выиграть эту войну за одну кампанию. За один теплый сезон они могли подмять под себя не больше половины человеческого анклава. Почему? Ну, давайте прикинем.

Итак. Армия орков непременно столкнется с армией людей, вполне возможно, и даже скорее всего, пока эта армия будет собираться, орки успеют захватить часть земель. Затем произойдет генеральное сражение, самое тяжелое и кровопролитное, потому как люди выставят неплохое войско, так что если орки выиграют, а в этом Андрей не сомневался, вот хоть режь его, то и сами кровью умоются сполна. Потом им придется разгрызать каждый замок, каждый город, потому как людям попросту некуда уйти – они будут сражаться с отчаянием загнанного в угол зверя. Даже потеря двух недель на взятие одного города будет работать против орков. Им банально не хватит времени даже для того, чтобы захватить все города Англии. Но ведь есть еще и Франция, и германские княжества, а германцы воевать умели, не даром, несмотря на то что их меньше и территория у них не в пример скромнее, с ними не хотят связываться, с ними

практически и не воюют – те скорее предлагают свои услуги как наемники. Да, Вольф, отряд которого в свое время нанял Новак, проявил себя не с лучшей стороны, но это не показатель.

Итак, что может светить оркам реально? Захватить до наступления холодов плацдарм, посадить свои гарнизоны и выжидать весны, после чего вновь пополнить армию – и продолжить захват, шаг за шагом, город за городом, замок за замком. Долгосрочная перспектива. По-другому – никак.

Вот если бы они были людьми, тогда результат мог быть и иным. После поражения основной армии города просто могли сдаться на милость победителя. Что изменилось бы? Да, жители потеряли бы часть имущества, да, сменились бы господа, да, жизнь стала бы не в пример хуже под пятой захватчиков, но по большому счету все осталось бы так, как было. Орки же людьми не были, мало того – подавляющее большинство, и знать в том числе, считали их исчадиями ада, с которыми невозможно договориться. Война на уничтожение. Кто в такой ситуации станет сдаваться на милость победителя? Да даже если люди пересмотрят свое отношение к оркам, что это по большому счету меняет? Ведь даже если не котел, то людей ожидает рабство – всех без исключения людей. Нет, так просто оркам людей не подмять.

Дельцы и не верят в то, что это возможно, просто те, кто выводит свои активы из южных провинций, прекрасно понимают, что они-то непременно окажутся на острие удара, и если не свернуть своих дел там сейчас, то завтра можно получить невозполнимые убытки.

Наконец, на южной границе служили его два отряда, сейчас ими командовали далеко не глупые Рон и Тэд, которые уже известили бы его, существуй реальная опасность. Но людей нужно выводить из-под удара, потому что если начнется вторжение, то их уже будет не вырвать. Нужно будет переговорить с аббатом Адамом, чтобы не направлять на границу своих людей со следующего года. Пусть их кто-нибудь сменит по весне: сколько успели наработать опыта – все их.

После длительной беседы с Эндрю Андрей оставил его заниматься своими делами, а сам направился к священнику. Падре Иоанн попенял барону за такое небрежение служителем Господа, но, как говорится, без фанатизма, а с добродушной насмешкой. Что и говорить, падре Патрик постарался на славу, подбирая служителей для новой паствы. Как Андрей и предполагал, дела у паствы были в полном порядке.

Появилась новая лекарка, которой так не хватало, – приходилось либо привозить лекаря из Новака, либо везти туда больных, если они были транспортабельны, и появление в селе своей лекарки снимало множество вопросов.

Кстати, она уже успела проявить себя, вернув с того света одного из крестьян, с хутора неподалеку от Пограничного, которого буквально разорвал взбесившийся бык. Мужчине досталось, как говорится, по самое не балуй. Сломанные руки, ребра, вспоротый живот, сам падре Иоанн, знаток в лекарском деле, вернее в той части, что подразумевала под собой лечение различных ранений – с хворями у него был большой пробел, – уже был готов отпевать крестьянина, но бабка Ария буквально совершила чудо. Нет, крестьянин все еще был не ходок и, мертвенно бледный, пока находился в доме у лекарки, но явно уже шел на поправку.

Правда, ломать людей, а вернее, их отношение к лекарке было тяжело. Так, когда она пришла в воскресенье на службу в церковь, вокруг старухи и ее внучки образовалось свободное пространство, несмотря на то что свободного места было не так уж и много. Да чего уж там, мало было места – явный намек на то, что не мешало бы расширить приходскую церковь, но Андрей технично отправил падре к Джефу и старосте: они-де здесь все лучше знают и им виднее, как все устроить. Ну что же, всему свое время. Как говорится, терпение и труд...

Джефа он застал возвращающимся с учебного поля, запыленного, усталого, но довольного. Его явно радовали успехи его подопечных, да и встрече с бароном он был весьма рад.

– Как дела, старый вояка?

– И я вас рад видеть, милорд. Да только какой же я старый? Я еще форы молодым дам.

– И это радует. Докладывай.

– Докладываю. Обучение дружины идет по плану. Честно признаться, боюсь, что большому я их уже не научу, остается только поддерживать форму. Все имеют боевой опыт, правда, его никогда не бывает достаточно, но в мирных условиях большому их уже не обучить.

– Гоняй до седьмого пота, спуску не давай. Сдается мне, что скоро им придется выступить в боевой поход.

– Что-то случилось? – Джеф был прекрасно осведомлен обо всем, что было известно Андрею, а потому готовился уже к худшему.

– Нет, Джеф, с южной границы никаких известий, а вот с французами, похоже, начинается заваруха. Я решил, что нет смысла откупаться и на этот раз. Похоже, мне предстоит поход на войну.

– Для чего вам это нужно? Насколько я понял, у нас совсем другая цель, – недоумевающе поинтересовался Джеф.

– Цель-то другая, да вот только... Скажи, сколько людей из нашей дружины участвовало в настоящем большом сражении? Не в мелких стычках с парой сотен с обеих сторон, не при обороне крепости, а в настоящем большом сражении?

– Зачем вы спрашиваете? Ответ вам известен. И десятка не наберется. Кстати, вы в него не входите.

– Вот и я о том же. Людям нужен реальный боевой опыт больших сражений.

– Могут быть большие потери, – не согласился с сюзереном Джеф. Вообще весь его вид говорил о двояком настроении: с одной стороны, он одобрял затею барона, а с другой – всем своим видом показывал, что затея ему крайне не нравится.

– Могут. Я вспоминаю ту нашу первую схватку, когда мы вывели наших дружинников против разбойников. – Помнишь, как ты тогда настаивал на том, чтобы мы сошлись в рукопашной, а я хотел решить дело только при помощи арбалетов? Вижу, что помнишь. Так вот ты тогда был прав. А сейчас я считаю, что прав я. Столкновение малых отрядов и большого войска – это совсем не одно и то же. Так что этот опыт им необходим. Да и мне тоже не помешает.

– Тогда ситуация была совсем другой, милорд. Будут потери, большие потери, а сейчас мы не можем себе этого позволить – причина вам известна.

– Тем не менее я считаю это необходимым. А потери... Постараемся их по возможности избежать.

– Воля ваша, милорд. И сколько людей вы хотите повести?

– Всех. Всю дружину, что сейчас в наличии, плюс всех новиков, которых сочтут готовыми наставники. Мальчишкам тоже нужен опыт, а со следующего года мы прекращаем посылать отряды на границу со степью.

– Думаете, начнется?

– Скорее всего. Император Гирдган и без того подарил нам слишком много времени. Три года. Я на это даже и не надеялся.

– Тогда я еще больше не понимаю: для чего нам нужно ввязываться в этот поход?

– Потому что такие войны выигрываются не мелкими отрядами, партизанами в тылу врага, а большими армиями. Повторяю: нам необходим боевой опыт подобных сражений.

– Хорошо, милорд. Как прикажете. Я иду с вами?

– И не надейся, что тебе удастся отвертеться. Куда я без своего наставника?

– Даже и не думал, – довольно улыбнулся ветеран.

– Как дела с замком? Я гляжу, основное уже готово.

– В этом году будет полностью закончен, там практически остались только отделочные работы, – не без гордости заявил Джеф.

Будучи на службе в той самой крепости Криста, где они успели прославиться, Джеф решил провести время с не меньшей пользой, чем его милорд, а проще говоря, он повторил тот

финт с захватом соляного обоза и через того же Эндрю организовал его реализацию. Правда, заработать столько же, сколько заработал Андрей, у него не вышло: как ни крути, но Эндрю не был ему другом, так что особо не стеснялся. А произошло это из-за того, что Андрей в беседе со своими рыцарями высказал пожелание, что неплохо было бы его вассалам обзавестись своими домами, читай – замками, землями и дружиной. Он, Андрей, готов предоставить им таковую землю, с отсрочкой платежа, но только в том случае, если они сами за свой счет озаботятся строительством замков. Джеф, не мудрствуя лукаво, решил заработать на соли – если прошло один раз, почему не получится во второй? – и не прогадал. Правда, практически все средства ушли на строительство замка, но зато теперь у него был свой дом. Замок получился не таким мощным, как Кроусмарш, но сооружение вполне солидное, способное выдержать довольно приличный штурм, к тому же грамотно был использован рельеф местности, – в общем, штурмовать замучаешься, а потом, и Андрей не собирался бросать своего вассала на произвол судьбы.

– Вот и прекрасно. Значит, еще перед походом озаботимся передачей земли в твою собственность. Как мы и уговаривались, ты получишь земли к югу и востоку от Пограничного, до границы с Бильговым.

– И фактически прикрою южную границу баронства.

– Что-то не так, Джеф?

– Нет, милорд, все правильно, просто мысли вслух.

– Джеф, мне не нравится, что ты думаешь, будто я пытаюсь тебя использовать втемную. Я на это не обращал вашего внимания раньше, но думал, что это и без того понятно. Ты получаешь эти земли, Рон получит земли по соседству с тобой, так что южную границу вы прикроете вместе. Тэд получит участок так, чтобы прикрыть единственный проход через леса на востоке. Как видишь, я честен с вами и не скрываю своих намерений.

– Милорд, я и вправду ничего такого не имел в виду. Мало того, я с вами полностью согласен, именно так и должно поступать, так поступили бы и другие, разве только не стали бы раздаривать земли.

– Э! Э! Поаккуратнее со словами, я никогда не говорил, что подарю вам эти земли, вы выплатите мне все до последнего фартинга.

– Конечно, выплатим, – улыбнувшись, согласился Джеф. – И обязательно все до последнего фартинга.

– И еще. Конечно, мои воины пока побудут у тебя в подчинении, но своей дружиной все же тебе придется озаботиться – после похода, разумеется.

Андрей это сказал с умыслом, чтобы старый вояка понял, что поход для него лично еще и шанс слегка обогатиться – за счет добычи. Тот прекрасно его понял.

Как и предполагал Андрей, Эндрю был в восторге от увиденных им стрельчатых окон, забранных не привычной слюдой в маленьких рамках, способной пропускать только скудный свет, а большими прозрачными стеклами, через которые свет буквально заливал внутренние помещения. Но больше всего его удивило именно то, что, не открывая окон, можно было спокойно смотреть за тем, что происходит на улице, – вот этого от слюдяных окон добиться нельзя было ни при каких условиях. Двойное остекление способствовало сохранению тепла – это уже объяснил Новак.

Эндрю настолько захватила будущая перспектива, что он тут же хотел кинуться в Обрывистое, чтобы поближе ознакомиться с производством. А что ему оставалось делать, если на его разумные вопросы, как то: какова себестоимость изделий, каковы размеры полотна, какое количество способна производить мануфактура и многие другие, – Андрей мог дать только расплывчатые ответы.

Однако этому его желанию помешали два обстоятельства. Первое – в лице Ричарда, который тут же захватил дядю Эндрю в плен, так как изрядно по нем соскучился, и второе – в лице Джона, сорванца неполных трех лет, во всех начинаниях безоговорочно поддерживавшего своего старшего брата: Анна все же осуществила свою угрозу и родила второго мальчика. Правда, потом смиростивилась, пообещав третьей дочку, – сейчас она уже была на шестом месяце, и все в один голос утверждали, что она вынашивает именно девочку. Андрея это обстоятельство радовало особенно, так как он всегда помнил своих дочерей и то, какими бывают ласковыми девочки: когда он представлял себе свою будущую дочь, сердце начинало сладко ныть, а по телу разбегалась приятная истома.

Эндрю, и сам будучи семейным человеком и отцом, успел истоскаться по семейному очагу и уюту, так как покинул дом еще по весне, и потому с легкостью отложил поездку и сдался на милость этих обаятельных сорванцов, решив передохнуть денек в кругу семьи своего друга и подруги по детским забавам. Так что остаток дня прошел в праздном ничегонеделании, хотя это с какой стороны посмотреть: ребятки не дали расслабиться ни гостю, ни отцу, который, к сожалению, также не столь часто попадал в их плен.

Однако уже во время завтрака Эндрю вновь перешел в атаку, поинтересовавшись, когда же они направятся в Обрывистое. Возразить и предложить ему еще погостить Андрей не мог, так как в любой момент мог появиться гонец от маркграфа, а значит, времени было не так уж и много.

Перед отбытием Андрей отдал распоряжение, чтобы вызвали Жана со всеми его людьми с орочьей стороны. Его полусотня егерей посменно систематически пропадала на том берегу Яны, оттачивая свое мастерство лесных походов, выслеживая и уничтожая отдельные орочьи отряды. Иногда они осмеливались на нападения на орочьи поселения, вот только проделывали они это лишь на землях соседних племен, чтобы не провоцировать племя, находящееся напротив прохода. Этим доставалось только в том случае, если они осмеливались приближаться к Яне. За прошедшее время желающих прогуляться в эту сторону было все меньше. Ну и полувину людей в таких отрядах, не больше десятка человек, всегда составляли воины из дружины Андрея, так как, по его мнению, навыки лесовиков и для них были необходимы.

В этот раз в поиск на орочью сторону отправился и сам Жан, но он был необходим здесь. Конечно, не доверять Робину, который, выйдя в отставку у сэра Свенсона, решил осесть в Кроусмарше, оснований у него не было, но когда здесь будут двое, оно как-то надежней.

Робин появился в Кроусмарше вскоре после памятного боя с орками, который вновь принес славу Андрею, только теперь в северных приделах королевства. Появился он не один: вместе с ним решил перебраться в баронство и непокорный Итен Одли. В свое время этот ветеран пытался встать в пику новому владельцу баронства, так как последний вышел из низов и воин считал для себя зазорным подчиняться выскочке из неблагородных.

Не воспользоваться тем, что к нему попал такой опытный ветеран, как Робин, Андрей попросту не мог. Ну не предлагать же старому вояке осесть на земле, если у него было совсем другое призвание. К тому же Тэд Шатун был теперь при деле – вскоре ему предстоял поход в степь во главе отряда дружинников, а детвора оставалась без наставника.

К удивлению Андрея, Одли пожелал остаться при друге. Андрей усомнился было в разумности решения принять на службу и его: одно дело – позволить бывалому воину поселиться на территории баронства как обычному арендатору, и совсем другое – поставить его в строй. В памяти Новака было слишком свежо воспоминание о непокорном характере ветерана. Но сомнения развеял сам Итен:

– Сэр, позвольте как равный с равным... В последний раз. – Было дело. Андрей пытался вразумить непокорного, но избрал неверную тактику, начав разговор как равный с равным, без чинов. Ошибка, стоившая ему авторитета в глазах воина. Он выполнял приказы и исправно нес службу, вот только не оттого, что заужавал Новака, а потому, что не хотел подводить своих

старых боевых товарищей – Робина, командовавшего тогда людьми маркграфа, и Джефа, руководившего вассалами новоявленного барона.

– Ну что же, говори, Итен. В последний раз.

– От меня вы не будете иметь проблем.

– Ты хочешь сказать, что подчинишься мне безоговорочно?

– Да.

– И что же изменилось?

– Просто я убедился, что все, что о вас говорили до этого, истинная правда и что вам не нужно мне ничего доказывать.

– Тебя впечатлила битва с орками? – не скрывая иронии, проговорил Андрей.

– Нет. Меня впечатлило то, как вы обошлись с наемниками, – столь же иронично ответил ветеран, имея в виду то обстоятельство, что, когда наемники Вольфа попытались их бросить, своими действиями подставляя под удар крестьян и ремесленников, а также семьи его самого и его дружинников, Андрей со своей дружиной истребил отряд наемников. Всех, до последнего человека. Затем ветеран подобрался и, прижав правую руку к левой стороне груди в воинском приветствии, давая понять, что беседа принимает официальный характер, закончил: – Сэр, лучник Итен Одли готов служить вам верой и правдой.

– Итен, я всегда готов выслушать мнение своих воинов, но я не потерплю неповиновения. Ни в какой форме. Ты это понимаешь?

– Да, сэр.

– Джеф.

– Да, милорд.

– Определи нового воина.

– Есть, милорд.

Вот так и вышло, что обучением мальцов на территории приюта занимался Робин, а Итен ему в этом помогал. Правда, перед этим они оба прошли новый курс обучения и прогулялись в степь, где пробыли ровно год. К моменту их возвращения как раз заработал приют, и они обосновались при нем. Сейчас они вместе со своими воспитанниками были в Кроусмарше.

Дорога до Обрывистого была не столь уж и долгой, так что уже через три часа они были в селе. Вернее, они не стали заворачивать в само село, а, миновав его, направились напрямик на промзону. Однако Эндрю не смог удержаться, чтобы не высказать своего мнения об этом населенном пункте:

– Вот смотрю я на твои села – и глаз радуется. До чего все они у тебя ладные и пригожие.

– Мне тоже нравится.

– А отчего ты проявляешь такую заботу о людях? Мне думается, что, живи они в таких же условиях, как жили и раньше, да при таких же заработках, они были бы не менее довольны.

– Возможно. Но мне кажется, что если сделать их быт гораздо лучше, то это возвысит их в своих глазах, а потом, как бы сыто ни жили люди, без внешнего проявления довольства мнение о себе у людей останется на прежнем уровне. Я даю им возможность в первую очередь подняться в своих глазах. Я даю им шанс, а они уже сами решают, подняться им или упасть. Знаешь, пока я не встретил среди них тех, кто захотел бы опуститься хоть на ступеньку ниже, чем есть сейчас. Ты посмотри на их дома: ведь большинство не удовлетворяется тем, что дома добротные и просторные, кто-то делает пристройки, кто-то достраивает хозяйственные блоки, в общем, вносят что-то свое, чтобы выделиться.

– Возможно, это происходит оттого, что к тебе переселяются те, кто хочет что-то изменить в своей жизни, те, кого что-то не устраивало там, где они жили раньше. А потом, ты им предоставляешь возможность жить более обеспеченной жизнью, чем они жили раньше. Я слышан о том, что ты берешь только пятую часть от их урожая.

– Не только урожая, но и от их доходов по части ремесел.

– Но у них остается весьма немало.

– Конечно. Я вообще считаю, что если бы бароны уменьшили аренду, то на круг они получили бы больше.

– Это как?

– А вот так. У баронов крестьяне предпочитают обрабатывать небольшие клочки, так как если увеличится надел, то сразу увеличится и арендная плата, и у крестьян опять фактически останется только на прокорм, поэтому им и невыгодно возделывать большие участки. Зачем, если практически все попадет в закрома барона, причем вне зависимости от того, урожайный год или нет? У меня ситуация другая. Хочешь возделывать один надел – ради бога, возделывай, отдай пятую часть – и остальное тебе на прокорм. Хочешь больше? Нет проблем, вот тебе больший надел, ты опять отдашь пятую часть, и не больше. Год урожайный – ты отдашь больше. Не уродила земля – меньше. За этим строго следят старосты. Попался на обмане – не обессудь.

– Как-то легко все у тебя.

– Ну не так уж и легко. Одна только затея с банями и введением в обиход мыла едва не подвигла людей на бунт. Спасибо падре и его единомышленникам: вразумили народ.

– А стоило ли заставлять людей еженедельно мыться в бане, да еще постоянно пользоваться мылом? Оно как-никак денег стоит. Ну не хотят, так пусть ходят грязными.

– Твоя ошибка в том, что ты считаешь, что во мне все еще сидит та брезгливость к грязи, которую я принес из прошлой жизни. А ведь это не так. Грязь – это болезни, язвы, коросты, кровавый понос, наконец. Знаешь, ведь у меня на землях от болезней умирает гораздо меньше людей, чем в других местах. Благодаря чистоте, буквально насажденной им, смертность среди детей очень низкая. А ведь в других местах чуть не половина детей умирает во младенчестве. Конечно, в этом немалую роль играет и то, что я правдами и неправдами тащу сюда лекарей, которые здесь становятся уважаемыми людьми. – Поймав ироничный взгляд купца, Андрей нехотя поправился: – Хорошо, отношение к ним здесь пока мало чем отличается от того, как к ним относятся в других землях, но отличается, и в лучшую сторону, а это уже немало. Главное, что процесс пошел и священники трудятся в этом направлении. Ладно, мы прибыли.

Заметили их еще издалека, а потому в воротах частогола, огораживающего промзону, их встречал сам староста в окружении других мастеров.

– Здравствуйте, милорд, – чинно поклонившись, приветствовал его Грэг. Остальные также поспешили отбить поклоны, оглашая окрестности приветствиями, вот только у них они были пониже и подобострастнее, – ну что же, они не старосты и не вассалы.

– Здравствуй, Грэг. Здравствуйте, мастера, – не преминул он выделить старосту. – К каждому из вас я обязательно подойду и переговорю отдельно. Пока же переговорю со старостой. Поэтому возвращайтесь на свои рабочие места. Мастер Бон.

– Да, сэр.

– Вот, наш уважаемый купец Белтон хочет переговорить с вами отдельно. Эндрю, это мастер-стекольщик Бон. Так что можешь начинать его терзать, вопросов у тебя хватает.

– Это точно, – легко спрыгивая с коня и подходя к мастеру, проговорил купец.

– Ну а теперь давай пообщаемся с тобой, – обратился Андрей к кузнецу, когда они остались вдвоем. – Судя по твоему загадочному виду, тебе есть что мне поведать.

– Это так, милорд, – не без гордости произнес Грэг. – Но давайте пройдем лучше ко мне, я покажу вам все наглядно.

Конторка Грэга располагалась в отдельном домике, неподалеку от цехов. Здесь же в отдельных комнатках располагались и рабочие места других мастеров, поставленных во главе производства. В частности, здесь располагались: мастер, ведающий волочиной, он же занимался изготовлением изделий из проволоки; мастер по производству арбалетов, в ведении которого находилось и изготовление карабинов; мастер, в ведении которого находился штамповочный цех, здесь уже производились не только наконечники для стрел и арбалетов, но и

штамповались из бронзы ложки, изготавливались легкие лопаты и тяпки, получившие большое распространение, придя на смену старым громоздким, неудобным и жутко дорогим предшественникам, стальные пластины для усиления кольчуг или кожаного доспеха. Здесь же располагался и старик Тони, который занимался не только выплавкой стали, но и вообще всего железа, необходимого для остального производства, а потому работы ему хватало. Эндрю все же выполнил свое обещание, и поставки руды теперь стали практически бесперебойными, оставалось неудобство с доставкой, так как руда не весь путь проделывала по реке, но с этим ничего не поделаешь.

Когда они вошли в кабинет Грэга, тот выдвинул ящик стола и извлек из него деревянный футляр из полированного дуба. Водрузив этот футляр на стол, он не менее торжественно откинул крышку и представил Андрею на осмотр его содержимое. Едва взглянув внутрь, Новак тут же расплылся в улыбке:

– Получилось?

– Еще как, милорд. Правда, это не карабин, слабоват, но вы ведь говорили, что он нужен только для ближнего боя.

– Все правильно.

Андрей извлек из футляра лежащий на бархатной подстилке самый настоящий пистолет, вот только он несколько отличался от привычных конструкций. Он сильно походил на обрез из двустволки, но это только внешне. Рукоять у него была под более удобным углом, и это была именно рукоять, роль которой исполнял несъемный баллон со сжатым воздухом, отделанный кожей. Заряжался пистолет путем перелома стволов, куда вставлялись две пули. Выстрел производился при помощи двух спусковых крючков, каждый на свой ствол, соответственно появились два клапана вместо одного, впрочем, и система спускового механизма также претерпела изменения: два взводимых рукой курка ударяли по бойку, который, в свою очередь, воздействовал на клапаны. Прицельного приспособления как такового не было – была планка, как на охотничьих ружьях, впрочем, сфера использования его исключала большие расстояния, а значит, этого было вполне достаточно. Вес, правда, получился весьма изрядный, около трех килограммов, но все же много меньше, чем у карабина, и это-то оружие уже можно было использовать одной рукой. Еще в футляре оставались баллон от карабина, чему Андрей немного удивился, но справедливо полагал, что объяснение не заставит себя долго ждать, а также средства по уходу. Что ни говори, но пневматическое оружие при всей его эффективности было капризным – это не автомат генерала Калашникова, чистка ему нужна была постоянная и вдумчивая.

– Калибр мы оставили, как у карабина: и нарезку стволов делать проще, и пули те же. Правда, использовать придется только бронебойные, так как у свинцовых пробивная сила совсем уж слабая. Баллона хватает на четыре полновесных выстрела, на пятнадцать шагов пробивает любой доспех, кольчугу – около двадцати, кожу – шагов на двадцать пять, но на таком расстоянии попасть уже трудно.

– А увеличить дистанцию никак не получится?

– Пробовали, милорд. Да только ничего не выходит. Мы сделали баллон под стандартное давление, как и у карабинов, чтобы, значит, использовать один насос под все оружие, – эта, как ее, уни...

– Универсальность.

– Во-во. Она самая. А чтобы этот пистолет сделать еще мощнее, и баллон нужно с более толстыми стенками – тяжел получается, а пуля все едино летит куда захочет. Ствол нужно увеличивать, а тогда это уже получается карабин.

– Все правильно, это вспомогательное оружие, оно должно быть по возможности маленьким и удобным, чтобы пользоваться одной рукой: вторая будет занята клинком.

– Ну тогда и вовсе получается, что стрелять придется в упор, – растерянно разведя руками, проговорил кузнец.

– Нет, нет, Грэг, все просто замечательно, но, как говорится, получив малое, хочется большего.

– При всем уважении, милорд, но это немало, – слегка обиделся изобретатель. – А потом, и ваши пистолеты не сильнее этого.

– Все, старина. Я сдаюсь. Где можно испытать?

– Дак это еще не все, милорд. Для чего, думаете, я баллон от карабина здесь пристроил? Вон видите сзади на рукояти кожаный клапан? Убираем его в сторону, а там еще один клапан в баллончике, туда вкручивается вот этот переходник. – Кузнец извлек из ящика указанную деталь, которую Андрей поначалу не рассмотрел, а вернее, не обратил на нее внимания. – А к переходнику присоединяется баллон от карабина. А тогда уже двадцать полных выстрелов. Ну, это так, на всякий случай.

Рассматривая то, что наизобретал Грэг, Андрей просто поражался тому, как этот человек все схватывал на лету. Еще черт знает когда он, рассматривая его Стечкин, поинтересовался, для чего нужны полозья на обратной стороне рукояти. Тогда Андрей объяснил ему, что к ним должна крепиться стандартная кобура, после чего пистолет становится мини-карабином. Кобуру кузнец изготовил и преподнес своему господину, но, как выяснилось, сделал себе зарубку на будущее. При штурме зданий это оружие будет просто незаменимо – это не неуклюжий карабин.

– Ну, что я могу тебе сказать. Порадовал так порадовал. Так, где мы можем испытать твое изделие?

– Дак за цехами: вдоль частокола мы организовали стрельбище, где испытываем карабины, можно пойти прямо туда, – радостно проговорил кузнец.

Тянуть с этим не стали и тут же направились на стрельбище. Произведя с пару десятков выстрелов, Андрей остался доволен оружием, несмотря на то что пистолет оказался слегка неказистым и громоздким. Вероятно, благодаря весу, а возможно, и из-за того, что пневматика – это все же не порох, отдача была не такой сильной, как он ожидал. Кстати, слова Грэга о том, что на двадцать пять шагов попасть трудно, не оправдались: Андрей попал в центр мишени всеми пятью пулями, – все же, наверное, практика здесь имела более решающую роль, чем предполагал кузнец. Новак дал добро для начала производства, тут же начав насаживать на своего главного оружейника и промышленника, требуя обозначить сроки, когда он сможет обеспечить этим оружием всю дружину. Ответ Грэга был весьма расплывчатым, так как он все еще не обеспечил всех потребностей в карабинах, хотя технология их производства была налажена. Выслушав все его доводы, Андрей посмотрел в упор:

– Грэг, ты знаешь, для чего мне нужно это оружие, и знаешь, что времени у нас нет. Боюсь, что уже следующей весной к нам припожалуют гости. Так что времени у нас только до начала лета – это в самом лучшем случае, а так нужно готовиться к началу мая. Поэтому твои расплывчатые ответы меня не устраивают.

– Милорд, если вы хотите, то я могу бросить все силы только на изготовление оружия, и тогда можно говорить о сроках. Но я так мыслю, что деньги тоже нужны, а значит, и производство иного мы прекратить не можем. Как я могу вам обещать? Я сделаю все, что в моих силах, клянусь. Твердо могу обещать только то, что к концу весны вы будете иметь пистолеты на каждого воина.

– Это именно тот ответ, который я и хотел услышать. Ну что, пойдём обратно. У меня для тебя есть сюрприз.

Сюрпризом, предоставленным Андреем Грэгу, оказались листы бумаги с чертежами. Андрей специально не стал говорить ему, что это, внимательно наблюдая за кузнецом. Грэг, поняв, что в этом кроется какой-то подвох, стал внимательно рассматривать принесенные

бумаги. Как ни веселился Андрей, но Грэг сумел стереть с его лица улыбку, с уверенностью определив, что за чертежи ему предоставил сюзерен.

– Не иначе как вы хотите, чтобы я изготовил пулемет?

– А ты поднаторел в чертежах.

– Дак и у вас они стали не такими топорными, как раньше, тоже, вижу, руку-то набили. Я гляжу, что за основу вы взяли ваш пулемет?

– Да. Долго думал, но ничего умнее придумать не сумел.

– Затвор, я смотрю, такой же, как затвор вашего, с поршнем. Так, стало быть, затвор получается тяжелым и остается на месте, а когда пуля уже набирает скорость и ничто ее остановить не сможет, часть воздуха по каналу давит на поршень, и тогда только тот отбрасывается назад. Но, как обычно, ничего рассчитать вы не можете?

– Увы, Грэг. Только методом проб и ошибок.

– Ну пойти должно легче – все-таки и карабины, и пистолеты мы уже освоили, но когда я смогу изготовить этот пулемет, я даже и не знаю. А отчего он такой большой-то, эвон вы под него даже повозку нарисовали?

– Эта повозка будет называться «тачанка», и она с пулеметом будет одним целым. Вот смотри, здесь устанавливается пулемет, под ним два больших баллона с воздухом и насос, все это соединено вместе как единый механизм, единственно вот тут подводная трубка с воздухом имеет шарнир, чтобы пулеметом можно было повести в стороны, вверх и вниз. А закачка воздуха в баллон будет осуществляться при помощи цепной передачи: установим шестерню на колесе, а вторую – на приводе насоса. Тачанка едет, насос качает воздух.

– А как давление станет слишком большим? Баллон-то и разорвать может!

– Не разорвет. Во-первых, шестерню сделаем разъемной: не нужно качать, к примеру, на марше – отсоединим, а в боевых условиях соединение будет постоянным. А чтобы баллон не разорвало, есть во-вторых. Вот здесь установим предохранительный клапан, вот такой конструкции: если давление воздуха становится слишком большим, то лишний воздух будет стравливаться.

– Больно уж все мудрено, милорд.

– Не спорю, мудрено. Но только если ты сможешь это сделать, то ты даже не представляешь, что ты сделаешь.

– Отчего не представляю? Можно подумать, меня не было в тот день в башне. Очень даже представляю. Только если бы еще и знать, какой силы нужна пружина, какой вес должен быть у затвора, какой размер у отводного канала, на каком расстоянии этот канал сверлить вообще да какое давление воздуха в баллоне. Вопросов-то много, а вы можете ответить только в общем – мол, надо вот так и вот так. – Грэг сказал это так, словно хотел попрекнуть своего сюзерена за то, что он такой недоучка: все-то он знает, да вот только все не до конца.

– Ну, извини. Как могу, – не скрывая обиды, проговорил Андрей, хотя по большому счету обида была не на кузнеца с его высказываниями – подобное общение между ними во время, так сказать, рождения чего-либо нового давно уже было нормой, – обида была на самого себя. Ну что мешало не учесть, а хотя бы прочитать целую гору разной литературы, а не развлекательного чтива? Сейчас бы он мог все это вспомнить и использовать.

– Милорд, давайте так. Сначала я налажу выпуск пистолетов, а как процесс пойдет, я займусь пулеметом. Получится что успеть или нет, мы не знаем, а пистолеты – они вон уже, считай, готовы.

– Добро. Действуй.

– И еще, милорд: надо бы пистолет-то испытать, а то ить стрельбище – одно, а бой – другое.

– Я передам его Жану – раз уж он у нас начал испытывать карабины, ему и продолжать испытывать все новое. Ну что, пошли смотреть остальное, как тут у вас дела-то.

– Пойдемте, милорд. – При этом он приосанился и деловито повел плечами, огладил бороду, и по его поведению Андрей понял, что краснеть тому не придется.

Обходя производственные цеха, Андрей в который раз порадовался тому, что на территории баронства нашлась такая речка, как Обрывистая, так как ее бурное течение снимало множество проблем – таких, как устройство нескольких запруд и каскада, для того чтобы обеспечить работу сразу нескольких водяных колес. Замерзала она гораздо позже, а оттаивала раньше, чем другие реки, так что работы длились бóльший срок.

Как и предполагалось, вопросов у Андрея практически не возникло. Правда, как всегда, пришлось выслушать жалобы на нехватку людей, но что он мог с этим поделать – людей вербовали настолько быстро, насколько это было возможно. Ручеек из переселенцев не иссякал, но и не превращался в полноводную реку, а по самым скромным прикидкам, на территории баронства вполне достаточно было места не менее чем для ста тысяч человек, но тем не менее и те пятнадцать, что имелись в наличии, да еще и для столь короткого срока, – это было весьма немало. Однако людей не хватало хотя бы по той простой причине, что шли в основном именно крестьяне, чтобы осесть на земле.

В стеклодувном цеху они застали Эндрю, который был, как говорится, в состоянии шока. Нет, оконное стекло – это, конечно, прекрасно, но увиденные им образцы посуды из стекла... Видя ажурные вазы и графины, изящные бокалы, большие пивные кружки, он буквально захлебывался от восхищения. Стеклянная посуда здесь делалась и раньше, в этом в общем-то не было ничего удивительного, вот только у мастера Бона эта посуда была какой-то невесомой, что ли, а потом, орнамент из разноцветного стекла делал их настолько непривычными взору, что эта посуда разом должна была оставить позади всех предшественников. Немалую роль в этом должно было сыграть и то, что ему удалось добиться абсолютной прозрачности и однородности стекла без пузырьков воздуха, что уже само по себе ставило его изделия на высшую ступень.

Однако когда по прибытии Андрея мастер Бон представил ему на обозрение подзорную трубу, Эндрю, едва взглянув в нее, тут же оторопел: его мозг был не в состоянии даже навскидку выдать сумму, на которую можно было рассчитывать при реализации того, что делали в этом цеху. Производимое у стеклодувов было весьма дорогим удовольствием, а потому не по карману простым людям, ну если они недостаточно обеспечены, – такие, как, например, купцы и менялы, вполне могли себе позволить иметь такую роскошь.

А вот подзорные трубы – это вообще отдельная статья. Рыцари не глядя будут отваливать за них серебро по весу изделия. Эндрю в приватной беседе с Андреем даже задал вопрос, нельзя ли их как-нибудь утяжелить, ну сделать, к примеру, вставки из свинца, но был поднят им на смех. Тот заявил, что пока не обеспечит этими трубами в достаточном количестве свою дружину, о продаже вообще не хочет вести речь. Но после весьма продолжительного спора сдался, и они решили, что треть все же пойдет на продажу. Не сказать, что купец был доволен, но скрепя сердце вынужден был довольствоваться и этим. Андрей во многом доверял другу, но во многое и не посвящал, так как тот здесь бывал только наездами, а потому мог стать невольным распространителем ненужных сведений.

Трубами же он и сам остался весьма доволен. Нет, конечно, это не цейссовская оптика, да и до рядовой в том мире им было далеко, но все же... Представленный образец давал примерно шестикратное приближение, правда, при этом только по центру картинка была четкой, края были размытыми, но это уже весьма много. Признаться, Андрей не ждал, что за каких-то три месяца мастер Бон сможет получить приемлемые линзы. Но стеклодув, несмотря на все похвалы Андрея, все же остался слегка недоволен своей работой: хотя похвалу и принимал с улыбкой, но была в ней толика скепсиса. Вина за это полностью лежала на Андрее. Дело в том, что, пытаясь объяснить, чего он хочет в результате, он показал стеклодуву оптику от СКС. Таким образом, конечная цель мастеру теперь была ясна, но также было ясно и то, что до нее ему еще очень и очень далеко.

Бросив задумчивый взгляд на упрямо поджавшего губы мастера, Андрей даже разулыбался. Цейсс там или не Цейсс, но качество его оптики этот мастер все же превзойдет, в этом Новак был уверен на все сто. Вот только нужно будет вспомнить все касающееся раздела оптики из физики – уж эти-то учебники, хочешь не хочешь, им были прочитаны от корки до корки, так что оставалось только все записать, передать мастеру и разъяснить в меру своего разумения, а дальше – все в руках стеклодува.

К концу их совместного путешествия Андрей сумел убедить Эндрю в необходимости начать строительство собственного дома в Кроусмарше. Конечно, у него был отличный дом в Дувре, но не годится как-то, что единственный купец, ведущий торговые операции с баронством, не имеет здесь своего жилища. Разумеется, Андрей думал о другом, когда предлагал Белтону начать строительство: он хотел, чтобы у Эндрю был, так сказать, запасной аэродром, если, или вернее, когда дела пойдут совсем плохо.

– Кстати, Эндрю, не подскажешь, что там происходит на границе со степью? И Рон, и Тэд прислали изрядные суммы, так что мастер Лукас уже начал закладку замков для них обоих. Они что там, повадились совершать набеги на стойбища орков или грабят все орочьи соляные караваны?

– Грабить – это твой удел и удел твоего первого помощника Джефа. Эти ребята гораздо умнее. Они просто добывают эту соль, на том самом озере, а я ее реализовываю – у меня уже даже постоянная клиентура на нее имеется, а также торгуют теперь ею везде, где есть мои лавки. Кстати, и у тебя здесь тоже реализуется эта соль: как ни странно, но твои люди могут себе позволить если не готовить на такой соли, то иметь ее в солонке на столе.

– И что, многие используют эту соль?

– Нет, конечно. Но понемногу этой соли у меня есть в каждой лавке.

– А как это им удалось?

– Ты не знаешь?

– Вообще-то это не касается ни потерь, ни боевых операций, поэтому об этом они мне и не докладывали. Ну, может, ты восполнишь этот пробел.

– С удовольствием. Так вот, твои парни, ну, в смысле сэр Рон и сэр Тэд, решили, что грабежом много не заработаешь, а потому стали думать над тем, как им наладить добычу соли. Думали они, думали – и надумали провернуть нечто похожее на то, что было в Кроусмарше. А именно – добиться того, чтобы их не трогали на берегу озера, тем более что, как они мне сказали, между орками нечто вроде табу уже есть.

– Ну да, на озере у них действует некое перемирие.

– Вот-вот. Собрали они обе свои полусотни и выдвинулись к этому озеру. Заняли оборону на каком-то холме, там когда-то люди вроде форт хотели поставить. Так вот, заняли они оборону, зарылись в землю, отрядили десяток, открыто начали промывку соли и стали ждать. Орки от такой наглости рассвирепели – их там было три отряда, навалились скопом. В общем, в первый день они потеряли около сотни, потом откатились и расположились в недосягаемости, решили дожидаться ночи. А твои парни обошли всех перебитых, мертвых снесли в одно место и оставили, не взяв с них ни единого трофея. Нашлось и с пару десятков раненых. Этих они перевязали и тоже отнесли, устроив их немного в сторонке от мертвых, и возле них воткнули шест с белой овечьей шкурой. – Как было известно Андрею, для степняков белая овечья шкура означала знак перемирия или переговоров, так как белый цвет был цветом непорочности, а овца считалась самым безобидным животным. – Там же они сложили три десятка мешков с зерном. Примерно через час орки приблизились к своим погибшим и раненым, забрали и тех и других. А еще через час к холму приблизился орк с белой шкурой. Ты не поверишь, но он говорил на английском, плохо, но твои рыцари его поняли. В общем, поговорили – и орки ушли. Больше на твоих людей никто не нападал. Правда, на обратном пути на них все же напали, но им удалось отбиться. Соли они добыли совсем немного. Ну да не за ней в тот раз ходили. В

следующий раз они вновь стали лагерем на том же месте, на этот раз на них никто не нападал, так что соли они намыли изрядно: три дня добывали. Когда уходили, на них снова напали, но они опять отбились. Потом, как мне кажется, оркам надоело терять своих воинов, потому что нападений больше не было.

– И как же подобное допустили инквизиторы, или они больше не сопровождают отряды в степи?

– Как же, сопровождают. Да только сэр Рон говорит, что они уже не те стали. Раньше, говорит, они всех орков и всю добычу самолично осматривали, а теперь словно обленились. И переговорам с орками не мешали, и никак это не осудили. – Эндрю всем своим видом показывал, что сам не меньше поражен происходящим.

– Надеюсь, об этом ты не рассказываешь на каждом перекрестке? – озабоченно поинтересовался Андрей.

– Я еще с ума не сошел. Но вот только удивительно это все. Я не слышал, чтобы с орками о чем-нибудь договаривались. Да и вообще не слышал, чтобы с ними хоть кто-то пытался общаться, только рубились. А этот орк, который говорит по-английски?

– А чего ты хотел, если у них есть пленные из людей. – Говоря это, Андрей пришел к выводу, что людей нужно выдергивать оттуда как можно скорее: его вассалы, как говорится, уже не видят берегов, если пошли на подобное. Вот только как обставить их возвращение раньше срока, он не представлял.

– А для чего им учить язык пищи? Они же не пытаются узнать, как общается между собой скотина.

– А может, они и язык животных знают, нам-то откуда знать.

– Странный ты какой-то. Я тебе говорю о неслыханном, а ты так спокойно к этому относишься. За куда меньшее отправляли на костер.

– Ну, тебя ведь тоже можно отправить на костер только за то, что ты знаешь правду обо мне. Разве не так?

– Так-то оно так...

– А между тем чего тут дьявольского или противного Богу, – просто я немного иной, а с другой-то стороны, ваши предки тоже пришли сюда из моего мира.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что не все так просто, как кажется. Думай, делай выводы, но только, ради всего святого, не нужно говорить об этом с кем-нибудь другим.

– Ты что-то от меня скрываешь, – глядя Андрею в глаза, уверенно заключил купец.

– Ну, ты-то тоже не обо всем мне рассказываешь.

– Но я хотел бы знать...

– Узнаешь. Всему свое время. Только не спеши увидеть во мне еретика, придет время – и ты все узнаешь. Надеюсь, у тебя не пропало желание построить здесь дом?

– Честно признаться, у меня возникло большое желание начать это строительство как можно скорее. Я прямо как наши спутники по первой встрече: хочу быть поближе к тебе, потому что мне кажется, что чем ближе я окажусь к тебе, тем безопаснее это будет и для меня, и для моих близких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.